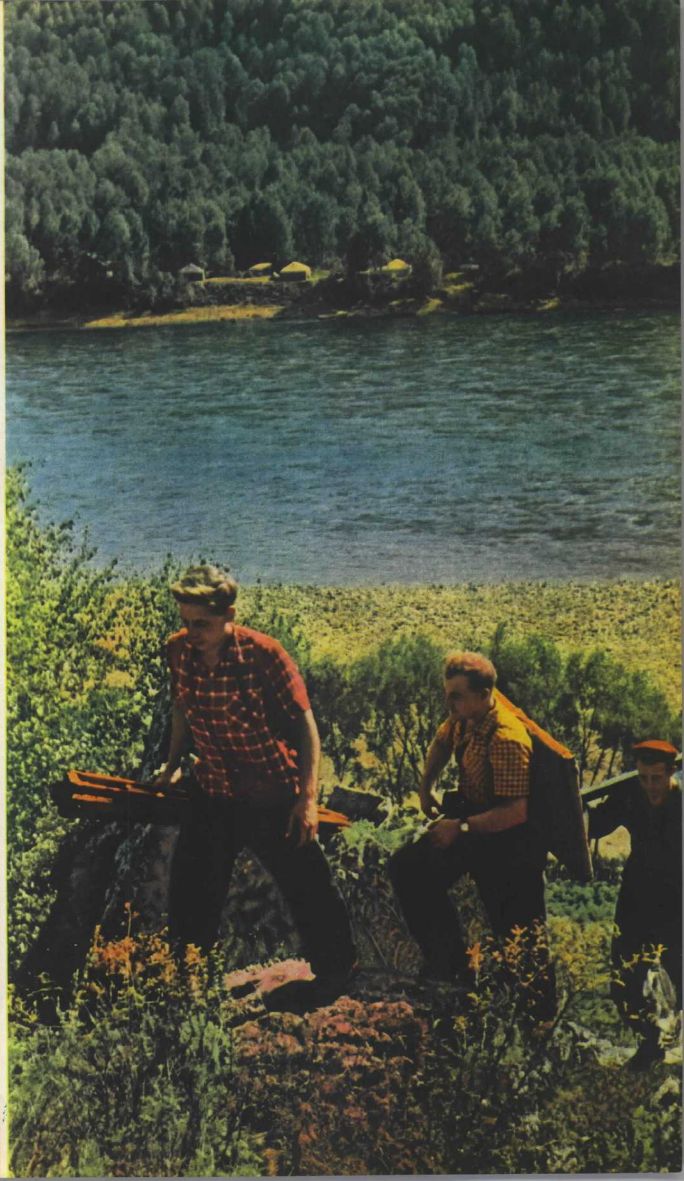

СМЕНА

11 1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЛЕНИНГРАД

МОСКВА

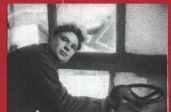
КИЕВ

ДНЕПРОПЕТРОВСК

ЧЕРКАССЫ

ЗАПОРОЖЬЕ

Виктор ЛЕВАШОВ

Я видел, как рождается песня. Это было на Украине, в Черкассах.

Слабо бился красный флаг над маленьким дощатым домиком, сработанным из накрывавших досок, со всех сторон подступали к домику кирпичные корпуса, многотажные сооружения из белых панелей. И, наверное, трудно было бы отыскать этот домишко среди башен, ферм, фундаментах, если бы не достали тропки, которые сбегались сюда со всех концов стройки. Они вели к двери с неброской табличкой: «ШТАБ КОМСОМОЛЬСКОГО ПРОЖЕКТОРА».

Внутри домика узким жаром дышала железная печка. В дальнем холодном углу председатель штаба «пржекториста» Борис Цяпкало ругался с кем-то по телефону, а поближе к теплу сидели трое ребят и смотрели, как четвертый сосредоточенно морщит лоб и грызет карандаш над листом бумаги.

Здесь рождается песня...

У нее простой мотив и озорной припев. Правда, немного пролетит рифма и в мелодии нетрудно угадать нотки из «Комсомолец-добриволец», «Над Россиею небо синее» и многих других песен, что звучали и звучат в репродукторах, слетают из-под иглолок проигрывателей. Но не это главное. Она отвечает всем деловым, жестким условиям. А их немало.

— Песня наша, черкасская, — значит, про Черкассы нужно, — требовал от литсотрудника «Молоді Черкашанин» Виктора Онойко член штаба Иван Толочный.

Так появились слова:

Над Черкассами небо ясное...

— Теперь про то, что мы «пржектористы». Думай.

— Я что, поэт? Сам думай тоже!

Придумали:

Поиски наши далеко от Киевщины,
В стороне от янужских круч,
Но высок он, как путь космоплат,
И прям, как прожектора луч...

— Теперь вот что, — задумчиво проговорил кто-то. — Душевнее бы надо.

— Это про «комсомольский-то прожектор»?

— А что? Прожектор — дело такое, душевное дело.

Но сформулировать это было трудно, и потому в песню появились загадочные слова, принятые единогласно:

Нам улыбнется Люба Иванюкна...

Рождалась песня ена каждый день, как сказал Онойко. Рождалась песня, которую можно нависывать под гул станка, мурлыкать под нос, листая справочник, мычать без слов, неторопливо пересекая строительную площадку. А для особых случаев был придуман припев:

Мы хотим, щоб бранодел

Онакался не у дел.

Мы добьемся бюрократ

Отпустит от стула зад.

И похвастет вся лиша в нарядах.

Раз-два!

И поставит рендор

На Черкашанин юрд...

Не хватало одной строчки. Борис Цяпкало пошел к инициативной группе, склонился над исчерванным листом, пробормотал:

— Корд — это хорошо, видно, что не пекварно строиш, а комбінат искусственого волокна. — Помолчал, добавил свое любимое: — Порядок... — Вот она! — закричал измощенный Онойко. — Вот она, строчечка!

Размышкство записал:

— И Цяпкало смеяет «Порядок»

Песня родилась, была окрещена в дощатом домишке в центре большой стройки и зашлепала от него по тропинкам, протоптанным в снегу, ко всем

КОМСОМОЛЬСКАЯ УДАРНАЯ — БРАТСК, РУДНЫЙ, СУМГАТ, ГАР, ЧЕРКАССЫ... МЫ ПРИНАДЛЕЖИМ ВСТРЕЧАТЬ НА ЭТИХ СТРОИЛКАХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ ИЗ САМЫХ РАЗНЫХ УГОЛКОВ НАШЕЙ СТРАНЫ, НО КОМСОМОЛЬСКАЯ УДАРНАЯ НЕ ПОИЩАЕТСЯ НА ОНИХИХ ИЗВУЩЕНОГО ГОРЛА... ЭД ЧИКА ИЛИ ЗАВОДА ПЕЧА В ЕК СТРОИТЕЛЬСТВЕ ПРИНИМАЮТ И РАБОТАЮТ ТЫСЯЧИ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК, ОСТАВШИХСЯ В СВОИХ ГИРОВАХ И РАБОТЫ ПОЛНОКРОВНО СЛУЖАЮТ ДЕЛОВАМ ПОДВИЖИМ, РАБОТУ КОМСОМОЛЬСКОГО «ПРОЖЕКТОРИСТА» ОБЩЕСТВЕННЫХ ПУЧАН... КОМСОМОЛЬСКОГО КОНТРОЛИ ВЕРНОТАТОС РАСТАЯТ, НЕРАДЫВНЫЕ КОТОРЫХ ГОРМОЗЫТ ВЫПУСК ОБОРУДОВАНИЯ ДЛЯ УЧАЩИХ КОМСОМОЛЬСКИХ... СЕГОДНЯ МЫ РАСКАЗЫВАЕМ О БОЛЬШОМ ГЕОГРАФИИ ОДНОЙ ИЗ УДАРНЫХ КОМСОМОЛЬСКИХ СТРЕК.

ПРО

КОМСОМОЛЬСКИЙ ШТАБ

Много друзей у стройки, много друзей у штаба комсомольского проектировщика. И может быть, после этого разговора Бориса Циплюка (справа) и его товарищей телефонный звонок, письмо или телеграмма, подписанная коротко — штаб КП, — выведет в рейд проектировщиков из Сызрани или Свердловска.

Ее видели в цехах с рейдовой бригадой комсомольского проектировщика в клубе среди организаторов молодежного вечера, на садовничьей аллее. Ее знают и любят на стройке в Черкассах, потому что и появилась в песне молодых строителей строка об улыбке Любы Гришко.

близким и дальним участкам и службам. Ее пели в рейдах и на заседаниях групп экономического анализа. Она звучала в тот праздничный вечер, когда первая очередь комбината была введена в строй.

В тот вечер Борис Циплюк, понимая руку комсору эксплуатационников Александру Линяцкому, сказал:

— Марку нашу держи. Не просто завод вам передаем — объект комсомольской ударной. Его не только мы строили — вся страна!

И в этом мигу убедили не красивые стрелы на карте Советского Союза, что таится от Черкасс на запад, на юг, на север. Меня убедили в этом случайные, порою очень неожиданные встречи с песней...

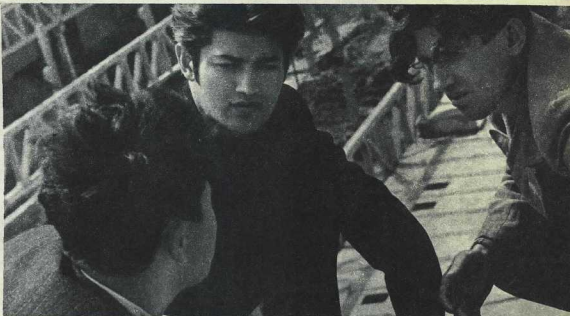
Пролетарии всех стран, соединитесь!

Литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

ИЮНЬ 1963

Юр. Игнатьев, Черкассы

Встреча первая:

РЕКОРД АНАТОЛИЯ КУРОПАТЫ

— Ну, хорошо. Что вы хотите? Чтобы я отгулял граншлак Черкассам, в Камение — пусть вагоны! Как маленькие дети, честное слово! — Диспетчер сердито смотрел на ребят. — Логановский, вы бы лучше побеспокоились о плане: будете давать столько, сколько положено, все будут довольны — и Черкасы и Ставрополь. Все!

— Но все-таки Черкасы — комсомольская ударная, — вставил слово Олег Логановский.

— Ах, так, значит, другому не дай, а Черкассам дай? Так, что ли? Интересно вы понимаете, что такое ударная стройка: чтобы удары по диспетчеру! А для меня все едино: что завод в Черкассах, что интернат в Камение, так и опускать буду: по мере возможности, — и не морочьте мне голову. Все!

Они вышли из диспетчерской и направились к цеху, не глядя по сторонам. Когда заметно слышнее стал грохот колес, Виктор Бородин хихикнул и сказал сердито:

— А прав он, старый черт!..

— Прав-то прав, — отозвался Олег. — А что я ребята в Черкасы напущу? Погодите полгодина! Тоже, скажут, комсомольский проектировщик! Курам на смех!..

— Три крана вышли из строя — как тут план дашь!

— Три крана, — Анатолий Куропата закурил нетерпеливо, сощурился от дыма, продолжал неслышно, словно бы обихайвая слова во рту, прежде чем высказать их: — Три крана — это три крана. Трудозаго без них, конечно... Только, наверно,

если на остальных поднять выработку процентов на тридцать, будет норма. Будет план.

— Тридцать — сказал тоже! Кто же это смеет?

— Да уж как-нибудь. Если постараться, конечно, — сказал Анатолий.

Логановский сморщился недоверливо, потом оживился:

— А если без дураков — можно! Ты сам-то даешь тридцать сверх плана?

— Я, если сказать откровенно, дам все восемьдесят. Только чтобы задержки с вагонами не было, конечно. А как остальные — не знаю.

— А что, ребята, — задумчиво проговорил Олег, — устрои представление, а?

— Стоит, кивнул Бородин. — И весь сверхплановый граншлак — Черкассам!

...На десятки километров танутся цеха и службы «Запорожстали», известной на всю страну. Это гордо в городе. Багровый отсвет расплавленного металла пляшет на лицах сталевадов, змеется в прокатных станах многотонные заготовки, податливые, как воск. Сталь, прокат — первый фронт запорожцев. И, может быть, именно поэтому не обратило на себя особого внимания короткое сообщение из копрового цеха о том, что крановщик Анатолий Куропата выполнил сменное задание на 230 процентов. Об этом много не говорили. Только диспетчер передал на железнодорожному станцию:

— Вышел состав 98 351. Груа — гранулированный шлак. Станция назначения — Черкасы, химстрой!..

...Привычно шурша, Анатолий гнал кран над железнодорожным составом. Тяжелые руки лежали на контроллере и рычагах захвата. Далеко внизу, послушным движениям пальцев, грейфер сжимал челюсти и, лишь провинив над прямоугольником полувагона, высыпал свою добычу.

Возле двух норм за смету выполнил Kranовщик Аланатий Куропата из Запорожья, чтобы на одной минуте горячего рабочего времени не потерял его черкасские друзья.

В трюке цеха Куропата едва слышал слова своей пестки:

«Над Запорожьем небо ясно...»

Слова эти не совсем удавались в мотив, явно хромал ритм, но в конце концов разве в ритме делот..

Встреча вторая: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ СТИЛЯГИ

Эти двои привел на кислотную станцию кто-то из штаба. Горячился, показывая на медленно растущий монолит из бетона, размакивал руками перед носом приезжак. Потом плюнул с досадой и ушел, оставив из у котлована.

То, что это привозило, ни у кого из ребят и девушек, работавших на укладке монолита, не вызвало сомнения. Во-первых, никогда ни в Черкасках не выдвигали, во-вторых, никто из стариков строин не рискнет выйти на участок в узконосных штильгах. Особенно в пору весенней распутцы. Или в туфлях на острой шпильке. А эти двое вышли: ясно — приезжак. Еще ясно — стилиги.

Между тем бетон все поступал, оглядываться по сторонам было некогда. А когда наступила очередная передышка, ребята задыхались пилоросами и с удивлением отметили, что до двои еще здесь — и парень и девушка. Больше того: стоят у основания монолита, о чем-то спорят, что-то помечают в блокноте, а ноги в глине чуть ли не по колено.

— Эй, откуда вы такие? — крикнули им. Парень оглянулся.

— Мы! Из Киева. Из «Гипрова». А что? Особо года прошло с того времени. О стилигах никто и не вспоминал. Зато о монолите на кислотной подстанции помнили крепко. Ждали без особого удовольствия, когда подойдет время

уклады такого же монолита в комплексе второй очереди. И оно пошло...

— Из бригады Полещука пять человек на кислотную подстанцию! — распорядился мастер в начале смены.

— Да ты что! — изумленно вскрикнул Полещука. — Да мы там прошлый раз двумя бригадами запыривались, а ты — пять человек!

Мастер был молодод, пришел на стройку недавно и потому не почув удивления бригадира. Свернулся с чертаком на всякий случай.

— Да, пять человек и два крана. За глаза хватит.

Полещука потонул к себе чертеж, отсыпал привычный конур кислотной подстанции, несколько минут извучал сосредоточенно, потом заулбился во весь рот:

— Ай, варнак, ай, голубчик! Ну, удружили Железобетон! Сборный! Крестовый!

Прочитал в углу чертежа: «Киев. Государственный институт проектирования предприятий искусственного волокна». Повернулся к бригаде:

— Да это ж те стилиги! Поминай, Остап!

Тут-то припомнили. Стали звонить Цяпколю, узнавать фамилии.

— Из Киева! Ну, приезжали. Почему стилиги? Очевидно, даже хорошие ребята. Ну, и девушка тоже. Фамилии! Не лопно, ведь не только эти двое были у нас, регулярно наведываются... Да, из штаба «проекторста». Спасибо! Передать можно, только кому? Кому?

Просторные светлые комнаты. Ряды кульманов. Над ними — головы. С Леонидом Гольдманом, начальником штаба «комсомольского проекторста» института, мы идем по узкому проходу. Я аскаривался в лица ребят и девушек за чертежными столами, высказываю тех двух конструкторов, чьи приметы мне дали в Черкасках. Приметы очень уж неоправданные! Парень — высокий, девушка — красивая. Он — в узконосных штильгах, она — «на шпильках». А в институте около ста высоких ребят и красивых девушек. Кому же передать спасибо?

— В конце концов неважно, передайте всем, не ошибаетесь, — советует Леонид. — Каждый мог там быть. Да, собственно, замена монолита сборным железобетоном — только лизвод.

Был обаятельный пареня, когда я уходил из института. По коридорам, лестничным клеткам гулко неслись возгласы, смех, на площадке группа ребят обсуждала предстоящий матч ювевского «Динамо», сто-то пробегал по лестнице вверх. Я услышал:

— Тарам-парам-тра-ля-ля-ля, нам улыбаются Машеньке Черновой!

Песня жила и в Киеве...

Встреча третья: УРОК НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Третий раз я встретился с песней черкасских «проекторстов» в одном из райкомов комсомола Днепропетровска. Вот-вот должен был подойти первый секретарь, к которому у меня было

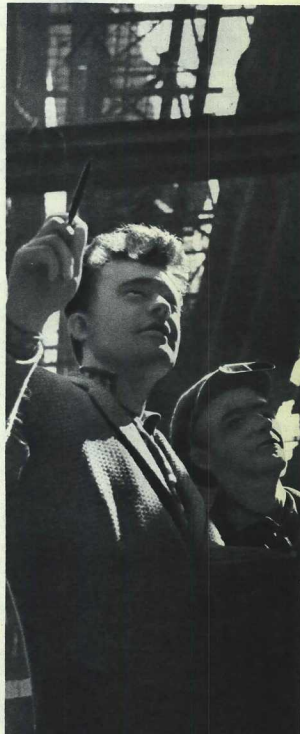
дело, а пока я устроился за столом в отделе рабочей молодежи и просматривая подшивку областной молодежной газеты. За соседним столом девушка в толстом свитере заполняла какую-то справку, уточняя по телефону данные, снова склонившись над столом:

— Девятно восемь... Семьдесят... Но выскон он, как путь... Четырнадцать... комсомата и прям, как проекторный луч... Двадцать четыре...

— Вы были в Черкасках? — спросил я.

— В Черкасках? Нет.

По просьбе черкасского друга «комсомольского проекторста» вышел в рейд по Днепропетровскому заводу Евгений Ковальчук и его друзья.

— Значит, оттуда кто-нибудь приезжал, из Черкаска?

— Не знаю. — Она оторвалась от справки, относительно на меня посмотрела.

— Тогда откуда же вы знаете эту справку? — спросил.

— А, песню! У ребят слышала, на Петроском заводе. Начинается так: «Над Петровкой небо ясно...»

И, немного поколебавшись, она рассказала мне

историю, во все слова, урок, который запомнится на всю жизнь! Вот ее рассказ.

— Это было зимой, в конце прошлого года. Я только-только пришла на комсомольскую работу. Первым делом постирала покороче — на первой машинке фотографии красной косынки, кожаные, меховые. Давацктей год! Мехушка, конечно, у меня не было, а в кожине холодно. Пришлось ходить в пальто, в самом обычном. Замечного вошла в курс дела — получаю первые задания ехать на Патрому (на Металлургический завод имени Петровского). «Выйти!» швеллера для какой-то стройки. «Ну, привезаю. Поворота с мастерами: ничего не сделавши, в отеплуемый цехе вышла из строя трубопроводка. А ремонтники... где их сейчас взять! Кто-то подсказал: иди, мол, в общежитие, к работам. Уговориши выйти во вторую смену, завтра отружи швеллера. Иди к ремонтникам. Комната в общежитии — человек десять. Только-только вернулись со смены, отдышат. Объясню, в чем дело: так и так, задание секретаря райкома. Усмехаются: ну, пусть секретарь идет и ремонтирует. В общем, слово за слово — сцелились. Я на них раскричалась: подири, на все плевать. Один так рыжий был, говорит: «Выйдите, девушка, в коридор со своей агитацией — я лиджик передавать буду». Вот так выставляли. Иду по коридору и думаю: какая из меня райкомовка! Девка залпала от обиды. А навстречу какой-то парень. «Ты чего?» — спрашивает. Потянуло меня на откровенность — рассказала. Девка не знаю почему, рассказала и нас, сразу лече стало. Ах, говорит, инкультурный народ, такую девушку обидели! А сам смеется. Вошел он в комнату, я осталась у двери: все слышно. Поговорили так, в комстве, о том, о сем. Потом рыжий — узнаю по голосу — рассказывает: была тут одна, из райкома. «Отказались?» — спрашивает мой учитель. «Отказались». «Ну, и правильно сделали: плевать нам на все эти стройки, мы сейчас поздрав, а потом в кино, правильно, ребята?»

Молчат. Слышу чей-то удрученный голос: «Только так, может, Ковальчук, без наших швеллеров у ребят перестанет на всю смену! Может, у всех срони срываются? Ага, думаю, мой замкомец — это и есть начальник штаба «комсомольского проекториста! Слышу его голос: «А что, мы свою смену отработали, деньги свои заработали, какой с нас еще спрос!» Тут начались замечания на него, стужным задвигая, кто-то слоганом громил! Такой шум так далеко подносил, что слов не слышно. Через пять минут девка распелась, высказывает — «то би, вы дуем!» — рыжий, третий. «Одеты по-рабочему. На лестницу — и вниз, к выходу. Последним — Женя Ковальчук. Поднимает мне: пойдете... До двенадцати ночи работам. Я тоже: подпрыгнул, только под ногами путался. Между делом тот рыжий мне и говорит: «Ты, девка, не обижайся — сама виновата, не ту ногу влезла...»

Вот и все... закончилась рассказ Гаяла. — На свидания девки балки отружили. А у «проектористов» Ковальчука я потом часто бывала. Хорошие ребята. У них и услышала эту песню, а как она к ним попала, не знаю, не спрашивала.

Встреча четвертая: ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ ЕЩЕ НЕ ОКОНЧЕНА

На Ленинградском заводе имени Карла Маркса о комбинате в Черкесске слышались все. Ничего удивительного: это один из основных потреби-

телей предильных машин, которые делают Ленинград.

— Как там Борька Цапко, жив-здоров? — спросил у меня в штабе «комсомольского проекториста». — Как не знать, были у него в гостях. Хитрей! Поделился с нами опытом, как активировать подгототки и аны.

— И как же! — поинтересовался я.

— Очень просто: нужно сизть телефонную трубку, набрать номер телекада или еще кого и вложить комсомольский примете телефоннограмму — в ближайшие дни. ожидается резкое похолодание, сильные снегопады и ветры. Температура ночью — до сорота трех градусов... После этого, естественно, возникает легкая панника и та мероприятия, которые запланились на месяц, проводится в два дня. И без всяких напоминаний.

— Опыт использовали?

— В Черкесске — да. Мы пока в резерве держим...

Игорь Артемьев, начальник штаба, был поначалу сдержан: — Черкессы нам работу подбрасывают. Им же все срочно. Ничего не подавлять, нужно — значит, нужно: стройте-то наша, комсомольская... Рейды проводили, обо всех долго рассказывать: по цехам и на складах. Сейчас делаем для них оптимальный образец ПНЦ. Предильная машина непрерывного процесса. Каждый узел под нашим контролем...

Он показал на график, кнопками прикрепленный к стене.

— С этим ясно — будет к сроку, — продолжил Игорь, оживляясь. — Но мы тут одним делом занялись. Правда, оно вроде бы выходит за рамки обычной работы «проекториста». А впрочем, никто и не устанавливал, эти рамки: нужно — значит, нужно. Если не наша эта работа, то чужая! Это и насчет дипломного проекта Володи Барботина.

Разные были дипломные проекты. Одним так и суждено пролежать в институтиских архивах, покрываясь пылью, пока не будет оставлен вид о спленился. Другие — их, к сожалению, гораздо меньше — сразу после записки идут на доработку в конструкторские бюро и скоро начинают жить в бетоне к стали. Третий звелт меньше: то ди, прошли они незамеченными, а может быть, просто у автора не хватало настойчивости, и он оставил на подорого удачную инженерную мысль. Впрочем, выпускники Ленинградского технологического института Владимир Барботин не расставался с надеждой увидеть свой проект воплощенным в жизнь. Он предложил заменить обычно применяемый теплоноситель другим. Новый теплоноситель был менее летуч, гораздо менее вреден, и в конечном итоге все условия оказались втрое дешевле...

Все эти подробности рассказывал мне Игорь, а Володя Барботин сидел рядом и лишь изредка выдал замечание.

— В конце концов, что из вас автор проекта — ты или он? — спросил я.

— Он, — кивнул Игорь. — Но это неважно, важно — здесь миллионы экономии. Миллионы! Соображался?

Да, цифры здесь — это очень важно! Но я думаю о другом. Думал о второй защите дипло-

ного проекта инженера Барботина. Нет, не в институте — на заводе! И его защищал не один Барботин. Защищали «проектористы». Это была не только защита технической зрелости, это был экзамен на гражданскую зрелость!

— Я ему говорил, — усмехнулся Володя, — все равно глаголица тебе за это не поставят.

— Как знать! Первый такой участок в Черкесске — это будет нам «глаголица». Будь здоров — другой не надо!

У этой истории пока нет конца. Сейчас в Госкомитете по знаниям рассматриваются писем группы инженеров и ученых Ленинградского объединения по производству машин для легкой промышленности, в котором положительно оценивается дипломный проект инженера Барботина...

«Комсомольский проекторист» Ленинградского завода имени К. Маркса выступает в дело по первому сигналу с ударной стройки.

А паска! Паска я слышал: во трудно узнать — так изменился мотив, но привел остался прежним. Почти правильно: вместо слов «И Цапко скажет: «Порадой!» поют:

«И Артемьев скажет: «Будь здоров!»

В Москве я встретил товарища. Он только что вернулся из Новосибирска. Узнал, что я собираюсь писать очерк о работе «комсомольского проекториста», он сказал:

— Жаль, не знал, а то бы привез тебе слова песни новосибирских «проектористов». Она начинается так: «Над Сибирью небо ясное... Ты чего улыбаешься? Хорошая песенка, только так есть строчка о Черкесске. Непонятно, откуда она взялась!»

Я улыбнулся, потому что мне это было приятно...

МЫ РАССКАЗАЛИ ТОЛЬКО О ЧЕТЫРЕХ ВСТРЕЧАХ С ПЕСНЕЙ ЧЕРКЕССКИХ «ПРОЕКТОРИСТОВ», КОМСОМОЛЬСКОЙ УДАРНОЙ. ЗДЕСЬ МУЖАЕТ ТВОРЧЕСКАЯ ИНЖЕНЕРНАЯ МЫСЛЬ, ЗДЕСЬ МОЛОДЕЖЬ УЧИТСЯ НЕПРИМИРНОСТИ В БОРЬБЕ С БЮРОКРАТАМИ И ОЧИНВЕРИТЕЛЯМИ, ВОЕВОЯ ОРГАНИЗАТОРНОЙ РАБОТЕ. КОМСОМОЛЬСКАЯ УДАРНАЯ — ЭТО ШКОЛА ВЫСОКОЙ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ, И НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРОИТ ГОРОД, ЗАВОД ИЛИ РУДНИК, — НЕТ, ДЛЯ СОТЕН, ТЫСЯЧ РЕВЯТ И ДЕВУШЕК ВСЕЙ СТРАНЫ.

ФОТО
И. АГАФОНОВА

Фото
Н. НЕМНОВА

ПРОБУДАЮТСЯ САЯНЫ

На берегу могучего Енисея привалялись и подножию огромной лихостой горы ангаритные домики. Крошечный поселок с мадьянской пристанью радостной жеманой вписывается в суровый пейзаж сплошной дремлющих Саян. Каждое утро из домов выходят люди с тяжелой поклажей и скрываются в таежной чащобе.

Взрывом мотором, отваливает от берега катер, носится по реке взад-вперед.

Это геологи, гидрогеологи,

геодезисты — самые перемы из тех, кому дано пробудить древние Саяны от тысячелетнего сна. Там начиналось на Ангаре, где ныне высится Вратская ГЭС, под Красноярском, где сейчас все шире разливается, набирает силу созданное руками людей море.

Теперь изыскатели пришли в верховья Енисея, туда, где великая сибирская река вырывается из Саянских гор на просторы Минусинской низменности. Небольшой отряд производит топографическую

Днем и ночью бороздят Енисей катера. Исследуется плацдарм, с которого строители начнут штурм великой сибирской реки.

Пока здесь маленький поселок изыскателей, а в будущем вырастет целый город.

Студентке Ленинградского горного института Тамаре Гукоевой повезло. Не каждому удается начать практику с такой большой стройки.

сьенну, исследует русло, берега. Тихо, пустынно вокруг. Но недолго тишине осталось властвовать в этих местах. Стоит лишь мысленно перенестись в недалекое будущее, как перед глазами возникает совсем иная картина.

Не узнать мест в районе Карлового створа. Отступила тайга. Широкими лентами прочерчивают берега Енисея асфальтированные шоссе. Неометровой стеной перегородила реку плотина гидроэнергетической высоты — в 223 метров. А за нею, насколько хватает глаз, разинется огромное водохранилище площадью в шестьсот квадратных километров...

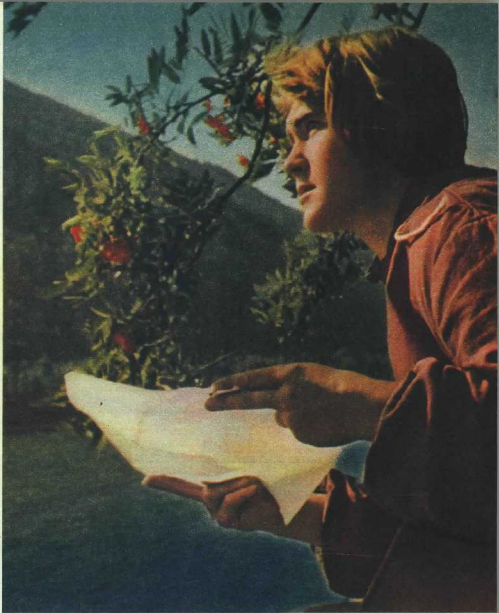
Так будет. А сейчас... Изыскательские данные поступают в Ленинградское отделение института «Гидроэнергопроект», где в чертежах и расчетах рождается будущий энергогигант. На Саянской ГЭС намечено уста-

новить шесть уникальных агрегатов неслыханной мощности — в 840 тысяч киловатт каждый. Ежегодно станция будет вырабатывать 22 миллиарда киловатт-часов электроэнергии.

Предстоит гигантский объем работ. При сооружении плотины потребуются уложить пятьдесят миллионов кубометров камня и суглинка, смонтировать шестьдесят с половиной тысяч тонн металлоконструкций.

Саянская ГЭС названа на XXII съезде КПСС в числе первоочередных строим. Уже в этом году коллектив красноярских гидростроителей, которому поручено возводить первый гидроузел, должен начать работы в Саянах. Помощники Енисея предлагают назвать будущую самую крупную в мире гидроэлектростанцию Шушенской имени Ленина, а и столетие со дня рождения Ильича обещают дать тон.

Еще и еще изучают топографы и геодезисты место створа будущей плотины.

«Перед нами, комсомолец летчик-истребитель Вячеслав Мецераков, принявший участие в парке во время войны в боях с немецкими самолетами».

«Комсомолец 1943 года»
«Смена» № 4.

Мы сидим за столом в уютной квартире Мецераковых — Вячеслава Ивановича и дочь Ульяну Никитичну и дочь Людмила. Перед нами повзрослевшие фотографии военных лет. Молодые и строгие лица летчиков — однополчан Мецеракова. Он называет их имена:

- Кузнецов — командир третьей эскадрильи...
- На каком-то мгновенье Мецераков умолкает. Ему тяжело вспоминать.
- ...Потом в сорок третьем под Курском.
- Мосалев — погиб.
- Попов — погиб.
- Трубышков — погиб.

В то время их было по двадцать. Сейчас много бы быть сорок...

- Вот Иванов Иван. Он жив.
- Гриншан Иван, мой друг — жив.
- Хромов — жив.
- А это?

— Александр Вадим — подкашивает Ульяна Никитична. — Погиб он.

— Откуда вы знаете? — спрашивает я.

— Она знает, — говорит Мецераков. — Мы вместе прошли войну. Она была мотостроком.

В 1941 году Вячеслав Мецераков поступил в Армиавскую школу пилотов. И тут началось...

Вячеслав Иванович Мецераков в кругу своей семьи.

война. Курсанты школы слушали верстающие сводки Совинформбюро и думали только об одном — скорее в бой! В характеристике Мецеракова того времени написано: «...серьезно Мецераков Вячеслав Иванович летное дело любит. Летает смело, грамотно».

И вот наконец направление в часть. В этот же полк получила назначения и восемнадцатилетняя комсомолка Ульяна Винокурова. Она закончила курсы авиамотористов.

Так однажды ждали и самолет Мецеракова. Продолжали ждать даже тогда, когда его ведомый Иван Хромов сообщил по радио:

— Рыбного хлеба. Он рубанулся у немцев. Самолет взорвался. Я смотрел — никто не вылез.

Это случилось 9 сентября 1943 года в районе Нотторп-Северного. Мецераков был уже опытным летчиком, и на его счету числилось семьбитых самолетов противника. На экранях

ГОТОВНО

ПРОДОЛЖАЕМ ПОИСКИ

Сначала полк стоял под Москвой. Это были сравнительно спокойные дни. Но в марте 1943 года летчиков перебросили под Курск, в самое пекло. Мецераков и его товарищи должны были скопировать действия вражеской авиации и тем самым обеспечить успешную подготовку наземных войск к наступлению.

В 3.30 небо на востоке бледнело, а с запада уже надвигалось гудение немецких бомбардировщиков. Начинался «рабочий день» летчиков. По шесть-семь боевых вылетов в день. Из машин не выходили. В 22.30 ночь, выжарива земля. Ночью выходы не летали. Никогда забывались коротким, тревожным днем. Начиная «рабочий день» для обслуживающего персонала. Мотористы, механики, инженеры в темноте молчали над ирландскими машинками, латали пробынки. В 2.30 самолеты уже были готовы. На аэродром привозили сонных летчиков. В 3.30 они снова бросали свои машины в бой!

К смерти не привыкают. Даже на войне! Летчики вылетают на задание, а на аэродроме ждут их возвращение. И вот на горизонте появляются черные точки. Одна, две, три... Три самолета садятся. Летчики вылетают молчаливые и хмурые и вместе со всеми ждут четвертого. Проходит время. Горючее кончается. Кто-то говорит:

— Наверное, не дотянул до аэродрома. Где-нибудь сел. Сейчас позвонят.

Но телефон молчит. Все знают; ждать бесполезно. И все-таки ждут. Ждут по плану дня.

И бывает, товарищи возвращаются.

Страны шел фильм «Комсомолцы». Мать Вячеслава, Александра Степановна, каждый день ходила посмотреть, одна и та же дорожка соруды кадры. Комсомолка Мецеракова, отличившаяся в боях, принимала кандидатом в члены партии. Звучит сигнал боевой тревоги. Лейтенант Мецераков садится машину и вылетает в бой. Через некоторое время он возвращается...

Девятого сентября Мецераков получил задание разведать сосредоточение сил противника в районе Нотторп-Северного. Вячеслав вылетел с ведомым Хромовым. С земли их встретили плотным огнем. Выполнял задание, они повернули назад. Визну изломанной трапезы тылулась главная задача обороны немцев. Впереди поблескивала Десна. За Десной были леса. И в этот момент страшный удар тряхнул машину Мецеракова и швырнул ее вниз. Доска приборов разлетелась вдребезги. Горющая машина понеслась к земле. Десна пропала с горизонте. Прятать с парашютом было уже бесполезно.

Мецераков очнулся от боли. Его вытаскивали из-под обломков самолета. Фашисты! Рука потянулась к пистолету. На носов его не было. С Мецеракова сняли сапоги. В тот день жители деревни Лиуановки видели, как по улице проволочка босото юному в летном обгорелом комбинезоне.

Плен. Это страшное слово билося в мозгу Мецеракова в те редкие минуты, когда возвращалось сознание. Лучше бы погибнуть! Вечером часовой подвел к нему и тупую сапогом. Мецераков снова был без сознания. Часовой успокоился и ушел. Мецераков очнулся ночью. Он выбрался из избы. Далеко уйти он не мог. Метрах в восьмистах от деревни залез в ригу и зарылся в сено.

Утром немцы ввали в Лиуановку десня заложников. Они были уверены, что бежать русскому летчику помогли жители.

Немцы искали летчика целый день и только к вечеру подошли к ригам. Они топтали сено и тыкали в него штыками. Кто-то наступил Мецеракову на большое плечо. Он не вскрикнул и не застонал, лишь криво сгинул зубы. Но немцы услышали. Несколько человек бросились сразу. Тут же в риге его жестоко избили. И снова жители деревни Лиуановки увидели на улице молодого летчика. Его волокли по деревне и били. Потом допрос. Переводчик спрашивал. В ответ — молчание. Его били все время. Под конец он уже не чувствовал боли. Утром за ним пришли.

Он думал, что его ведут на расстрел. Он шел и смотрел в серое сентябрьское небо. Он думал о матери, которая каждый день ждет его на крыльях на станцию. Он думал о своем мотористе Ульяне Винокуровой. Он любил ее. Безыдет! Проститься на излучено рядом часовой! Убьют! Но ведь же радио. Безыдет! Снова драться в лес.

Мецеракова не расстреляли. Его привели на станцию и втолкнули в вагон, набитый пленными.

Всю ночь поезд простоял на пути. Утром Мецераков увидел около вагона мужчину и женщину. Они прощали мимо раз, другой, третий. Мецераков обратился к полицаям:

— Разрешите попросить поест. Три дня ничего не ел.

Полицай отвернулся. Мецераков подавал мужчине. Тот окинул его внимательным взглядом:

- Летчик?
- Летчик.
- Коммунист?

— Да. Помогите бежать.

— Спрячь в бшь. Ожидая будет лежать на буфере. Пройдешь посылку — и сразу в лес.

Мужчина ушел. Через некоторое время он появился снова, но уже с другой стороны. В ру-

С Т Р А Н И Ц Ы

Г Е Р О Е В П О С Л Е Д А М Ф И Л ь М А « К О М С О М О Л ь Ц Ы »

ках у него был сверток с одеждой. Он положил его на бумер вагона. Мешперков позвонил у пещера разрешения выйти. Тот указал под вагон: — Леся!

Мешперков залез под вагон. Вынул одежду, быстро переоделся. В поиске он снова чуть не наварился на немцах. Лишь к ночи добрался до леса. Совершенно обессиленный, он долго бродил по бору, пока не встретил наковец партизана.

— А на аэродроме его мидял уже только один человек — Ульяна. Ей сказали, что он улетел на нашей территории. Летчица нашла где-то цыганку. Сказали ей: — Нападай вон той, черной. У нее друга обили. Только смотри, должно получиться, что он жив...

Он жив, мидял, — сказала цыганка. Следующего сентября в штабе полка радially звонил.

— Вениамин Мешперков жив. Вчера пробыл с партизанами.

В тот же день Ульяна написала ему письмо. У него оно писаное, сложное на много частей и протертое на губах так, что невозможно разобрать написанное: «Веночка! Милый! Я люблю тебя. Мне все равно, какой ты. Пусть исцелится твой. Я все для тебя, что ты жаль». Они поженятся уже в Польше. Пож бы был на отдыхе, и все гуляла на их свадьбе.

Вот еще одна характеристика Вениамина Мешперкова: «...Лезть в плен. Бесвал. Прошел проверку. Сиюма вступил в строй. После побега из плена дрался самоотверженно, не щадя своей жизни. Сбил четыре самолета противника, чем доказал свою преданность делу Коммунистической партии Ленина».

Своей последней, одиннадцатой, самолет Мешперков сбил уже под Берлином. За годы войны он совершил 215 удачных боевых вылетов и был удостоен орденов правительственных наград.

Но и после войны Вениамин Иванович Мешперков не покинул строй. Рассыпан над сервисом взлетной дорожки, строит очертания серебристых стреловидных машин, крылатые антенны докеров...

Воянная служба не баловала Мешперкова столичными городами. Сначала — Закавказье. Потом — Дальний Восток. Мешперков уже считался асом. В любую погоду, днем и ночью поднимал он в воздух своего стреловидную машину, и не было случая, чтобы не выполнял задания.

В 1938 году Вениамин Иванович заболел, и врачи запретили ему летать. Он вернулся в родную Кашпур, откуда семнадцать лет назад начал трудный путь летчика-испытателя. Но Мешперков не собирался идти на отдых.

— Есть люди, которые органически не могут перенести чувство собственной беспомощности или непопечности. Таков и Мешперков. Он получил хорошую пенсию и мог заслуженно отдыхать. Но руки и душа табулись к работе. Сначала он читал лекции по космонавтике, реактивной технике, авиации. Лекции были обстоятельные и интересные. Но одним лекций ему было мало. И он решил поступить работать на Каширский завод металлоконструкций. Несмотря на то, что лезть в плен. Бесвал. Прошел проверку. Сиюма вступил в строй. После побега из плена дрался самоотверженно, не щадя своей жизни. Сбил четыре самолета противника, чем доказал свою преданность делу Коммунистической партии Ленина».

Парторг завод. В тесной кабинке истребителя на многослойной веревке для Мешперкова все было просто и ясно. Здесь же он столкнулся с вещами, на первый взгляд непонятными и сложными. Завод не выполнял план. Это был сложный механизм. И многие рости этого механизма действовали далеко не безупречно. Сначала Мешперков не мог разобрать, какие именно. Он выискал в тонкости производства, знакомился с людьми. Продукция, выпускаемая заводом — оборудование для гидротехнических и основы для высоковольтных линий передач — поварае нужна на стройках. Срывать план завода значило срывать планы огромных масштабов!

И вот поспешно, по деталям стала вырисовываться общая картина. Главный инженер завода ллет. Начальник ведущего цеха — хангута: выполняет «лемые» заказы, а деньги каплет в собственный карман. Директор завода самоуправствует. С рабочими он был груб и властен.

Входил в цех и, если видел рабочих сидящими, кричал:

— Встаги! Почему не работаете?! Улицки! И бесполезно было объяснять, что сидеть приходится не по своей вине. То и дело нарушались ритм производства. Нет работы.

Но дело было не только в самоуправстве. Завком купил для отдыха рабочих катер. Катером единолично пользовался директор. На имя одного из рабочих выписал путевку в черноморский санаторий. Путевку забрал себе директор.

Мешперков, не колеблясь, бросился в бой.

Одна комиссия, другая... Факты, вскрытые Мешперковым, подтверждаются. Окончательный бой был дан на партийном собрании завода. Директор собрал все силы. На собрании он вымолил главный свой козырь:

— Товарищи! Вы слушаете Мешперкова. А можно ли верить ему? В скором третьем году он был сбит на территории противника. Он был в плену!

Кроме бросился Мешперкову в голову. Зал возмущенно зашумел. Но сования Мешперкова постепенно дошел сестой его гуга: люди были за него. Кто-то выкрикнул:

— А тебе, что ли, верить, Луанов! Мешперков поднялся на трибуну. Ему сказали:

— Не надо, Вениамин Иванович. Мы тебе верим!

Вот, собственно, и вся история. Луанова и его подвиги выгнали.

Вениамин Иванович пять лет оставался парторгом завода. Я разговорчивый в Новошахтинске со многими людьми, и все до одного необязательно тепло отзывались о нем как о замечательном, душевном человеке, как о кристально честном, принципиальном работнике. Готовность к бою на правое дело — эта заповедь боевого летчика-испытателя навсегда осталась в сердце Вениамина Мешперкова, славного комсомольца 1943 года.

А. И. ЗИЛЬБЕРОВ

г. Новошахтинск, Московская область.

М О Л О Д О Й О Л Е Н Ь

Евгений МАРЫСАЕВ

Рисунки О. ВУЛОЛОВА

РАССКАЗ

В се было кончено. Для меня это стало ясным с первой минуты, едва повалился противник от бесконечных дождей ханги. Сначала в воду свалился тук со спальными мешками. Пучина сразу же поглотила его и выбрисала у берега разбухшим, с равными боками. Тук попал потом на башину и застрял по вылету вихря. Затем, дождавшись козыря, в реку канюки попадали рюкзаки с продуктами.

— Радио! Радио держи! — закричал Николай и бросился к обрыву. Никита метнул в бурлящий поток муть! Ремешок со свистом вспорол воздух, глибо испугавшись, пучина, зацепив последнюю рюкзак. Я нетерпеливо выдернул его, подумав, что там жаль ГЗ — большая банка шоколада. В рюкзаке оказались простыня.

— Этого хоча пшайтан, выдалки... — сположно молила Чагыгата.

Николаева бородаща свирепеет описала в воздухе полукругу.

— Затишье, вы!

Вскоры мы молаа стояли у обрыва и гадали на бесконую плавку реки. Николай по привычке заснул в рот клоа бором, переделом мохнати, срощив брону. Потом повернулся к Чагыгате и сказал:

— Вы уж простите... сторича...

Чагыгата опустила газза, будто сам провинился. Он не любил, когда перед ним извинялись.

— Все, однако, может быть, выдалки...

Николай помолила на мое плечо руку и сказал: — Тойбасы с проводниками на бору. Перейди с документацией все в порядке. Остальное знаешь сам... Пусть выслыают самолет с планым комплектом. Попадете кратчайшим путем — через Беркуду. — Теперь он говорил для Чагыгата и Никиты. — Четверо стуким мы как-нибудь проаир-женкся!

Эта бесконечная ночь вымотала всех: и меня, и Чагыгата, и Никиту.

«Пути еще одна луня. Две луня мы проищи!» — назойливо вертелась в тучах слава Цикоты.

И я отсчитываю тысячу шагов, потом еще тысячу и еще, удивляясь, как не надоест мне это занятие и как человек может пройти без отдыха три луня.

Привалы были короткими, только тогда, когда непременно требова-

4 Маут — аркан для ловли оленей.

лось остановиться: например, съезда в зубчатом горниом ботинке носок нам распорол от острей камня розки.

Чагылан иногда останавливался просто так и подолгу гадал в густую ласковую туману.

— Хауо, ой, хауо, нападник! — тонко выдохла он и дергал меня за рукав.

Из темноты выросла Никита.

— Идем же, отец! Идем! — певуче говорила он и стылливо смотрела на меня своими большими, совсем девичьими глазами.

— Да, идти надо — уже в пятый раз вставала и одию и то же и шера первым прислушаться к шорохам и до боля в руке сжимая холодный ствол карабина.

Звезды, луна, серебристые полосы на небе — все приходило в движение и легло в просветах ветвей. И только когда Чагылан обогнул меня, я понимал, как тяжело идти первым.

К перевалу Беркуца мы подошли на рассвете. За ним верст на пятьдесят в обе стороны тянулись ущелье Горных Дуков...

Чагылан остановился.

— Уу, однако думать надо...

Я вдруг увидел, что у него дрожат косячки.

Остановился и Никита, и по-мансийски рослый, смуглый красавец, и посмотрел на перевал. Там, наверху, как стадо мокрых баранов, столпились сырые туши.

У манси есть древний обычай: не спрашивать и не торопиться узнавать то, что не сказано еще. Например, неразумно спрашивать: «Что случилось?», «Вы что-то хотели сказать?» Надо непременно ждать, пока человек высказается.

И сейчас, невольно следуя этому обычаю, я гадал на Чагылана и не решился спросить, что случилось. Молчал и Чагылан.

По тайге распылась мокрый смоляной рассвет, смачнул с неба звезды. Исчезли ночные пороки, платили вездю отропием, с водянистыми подучками науауа. Узкая извилистая тропка как бы развалилась, и стали видны следы какого-то зверя, бегущие вперед. Зверь прошел совсем недавно: вода во вмятинах еще пузырилась.

Горы не прорывались, в расщелину между двумя скалами опускался туман, терпел на гранитных выступках густые молочные ключи. На склонах слабо обозначились мокрые ливневницы: под ними, из трещины, как змеи, выплывали черные корни. Странно, дальние скалузги гор вырисовывались лишь тогда, когда гладышь вмигю выше, чем надо гаятели; если смотреть прямо на горы, они таяли и исчезали, и казалась, будто их вовсе нет.

Чагылан вдруг до боли сжал мой локоть.

— Ой, хауо, нападник, хауо! Ийти не ваюо, думать надо!... прохрипел он мне на ухо и, как коржик, острогодный зверь, побежал вперед по каменной тропе.

— О чем думать? — не понял я.

— Хауо, ой, хауо... — Он остановился, болезненно сморщил лицо, отыскивая нужное русское слово, и покосил рукой на скалу.

Только теперь я заметил на гранитном выступе рослауе, широкогрудую рысь. Она, верно, была еще не знакома с человеком и смотрела на нас болевше с любопытством, чем с испугом.

«Дурная примета», — догадался я. Как бы в подтверждение моих мыслей Чагылан взреж:

— Рысь сошла с дерева — быть большой беде.

— Говорите толком: что случилось? — рассердился я.

— Уу!... — зачула Чагылан и сделала страшное лицо. — Скоро-скоро на Беркуца съестся Заме Духи. Они плохо гявзаться будут. Камень будет падать, кеадъ жомать. Смерть ждет того, кто пойдет на Беркуца в это время.

— Если рысь сходит с дерева — в горах будет обвал, — сказал Никита.

— Когда? Сейчас? — спросила я.

— Может быть, сейчас. Может, через три дня.

— Но ты-то, Никита, понимаешь, что нам ждать нельзя?

Никита не отвечала.

«Опять эти... предрассудки!», — хмуро подумала я.

Действительно, эта слабость Чагылана приносила нам немало хлопот. В геологической партии многие смотрели на нее сквозь пальцы: не будешь же переплюстывать человека, всю жизнь прожившего в глухой тайге!

Чагылан и Никита служили у нас проводниками. О прошлом своем они рассказывали мало и неохотно, лишь как-то вскользь Чагылан упоминал, что лет десять назад жену его, охотницу Анастасию, забрала медведь, когда она покосила белые рядом с копылом¹, и что с тех пор он кочует с сыном по разным разваливающимся партиям.

Помню, когда Николай потребовал у него справку с последнего места работы, Чагылан вдруг закричал:

— На! Стреляй мне в голову!... и с размаху бросил к его ногам карабин.

— Извините, раб бога, — сконфуженно оправдывался Николай, — я ведь просто спросил...

То ли из-за кроткого нрава, никак не ввязавшегося со свирепым боратым лицом начальника партии, то ли подбодствовало упоминание бога — Чагылан успокоился и решил остаться с нами. Потом, пожив бою с бок с Чагыланом и Никитой, мы узнали, что ложь для них была преступлением тайчайшим.

И еще одна странность семейства Чагылана поражала нас: они ни разу не ночевали в чепеле жемлице. Летом отец и сын привозывали гямак — вышитую плащ-наутку — высоко на двух ливневницах и чутко спали там, пока не заплет первая птица; зимою они ночевали в телячьей собачьей мешке, с головою зарывшись в сыпучих снегах. Последнее время нет-нет да застает Чагылан, поднявшись с постелем и потерья русскою полонку. И, странное дело, виноватым во всем оказывался не он сам, а озорник шайтан, решивший пошутить над ним. Если кто-нибудь замечал его в таком состоянии, Чагылан делал страшное лицо и говорил по-русски:

— Уу! Однако было десять алек в спину шепельник! Это все он... он... И болезненно морщил лицо, отыскивая меткое русское слово, и подетски счастливо улыбался, вспоминая: — Балаут!

Сколько энергии в этом сухом, жвакстом старике! Я ни разу не ви-

¹ Копыла — охотничья избушка.

деа Чагылгана, чтобы он сидел просто так; он всегда чем-то был занят, всегда что-то делал, не зная покоя до темноты. Вроде бы только что арканом кожаным мутлом омылся на реке — и вот уже на чукотский манер свинвет шкуру с подожженной кукле. Не успела я отойти — Чагылган трясся из тайлы, обхватывая лодку руками.

А вечером, когда в парни зажигались огни, он, как старушка перед сном, распыляла все свои четыре косички и уходила на отшиб, к тавжской реке, и поладу стопа там на коленях перед деревянными идолами. Сухие губы его что-то шептали, а Чагылган то умилялся, то зару повышала голос и срывалась. Потом возвращалась обратно, и слышному салу, расступившая лунные тени и незло бранилась, называя студенток-практиканток бесстыдными.

Никита не пошел в отца и был парнем молчаливым, медлительным. Силу и медлительность он унаследовал от своей русской матери, ловкость и мистериозность — от отца.

Носа Никита легкую прочную одежду преимущественно своей работы, и все, что бы он надея, сидело на нем изящно и красиво. На ногах у него были маленькие, ниже колен, оленьи камусы с коротко остриженным мехом и узураторной вышивкой на отвороте; мускулатура тела обтягивала мягкая кожаная рубашка, заправленная в брюки; по-девичьи гибкая талия была туго обмотана в несколько рядов обрывками мутла. Сбоку в металлических ножках висел длинный охотничий кинжал кустарной работы. Ходил он мягко, бесшумно и всегда появлялся неожиданно, будто хвста испугать, и так же неожиданно исчезал. На скоту вел себя очень странно. То скучал и смотрел на нас, как смотрят на детей, решивших позабыться, то оживлялся, глаза его начинали блеснуть, и он по несколько часов зару преследовал зверя, лаясь сквозь бурелом. А убил, зару краснел и стенился так, будто сделал что-то в высшей степени преступное.

Ему очень мешала эта сверхважная стыдливость. Он, например, никогда не подходил к нам во время обеда. До первого знога он ходил с неконтрольно головною, и волосы у него были длинные, почти до плеч, с сильным отливом.

Иногда по вечерам отец и сын приходили к костру слушать наши разговоры. Никита, срывест ноги, садился за спиною отца и смотрел в землю, изогнув длинные черные брови. Но стоило Чагылгану подняться, почти одновременно легко вскакивал и Никита; даже если он переставал тогда, когда переставала отец.

Едва начинали говорить о спутниках и космических полетах, Никита вскакивал брови и смотрел на рассказчика долго, пристально, а Чагылган вскакивал:

— О-о!

И становилось ясно, что они ждали этого разговора с большим нетерпением, но, по обычаю, не расширяли собеседника. В девятом часу Чагылган поднимался и шел к идолам.

В поисках Чагылган, возвращаясь с мезиты, заходил на скоту, чтобы вместе лечь спать. Того чудоватого проворного старичка, каким был Чагылган днем, не существовало в эти минуты; перед нами был мудрец, только что говоривший с небесами и очень жалевший нас за то, что мы не обладали этим даром.

— Идем, сын,— чужим, откровенным голосом говорил он, и Никита вскакивал на ноги, послушный ему.

Без Никиты наши девчата почему-то начинала скучать и гаяла на мужское население парней, зная и говоря:

— Давайте-ка лучше спать!

— Всегда выходило так, что небожность Чагылгана не приводила к чему-нибудь серьезному. То ли дурная примета его скрутил, то ли козлю, во сие явятся шайтан и запретит ему что-либо — доурачмится старик, да и дело с концом.

И сейчас, разгадывая странное положение мусульманской чалмы на голове Чагылгана, я думаю, что все обойдется и будет хорошо.

Никита стоял в стороне и продолжал смотреть на перевал, разглаживая рукою волосы.

— Решайте, что-нибудь,— сказал я, — времени у нас в обрез.

— Беркуца ходить нельзя. Он не велит,— отвечал Чагылган.

Ведь лодка в партии проладать будут. Шайтан поведет это и разрешит нам пройти.

Поняв, что я его уговариваю, Чагылган зло посмотрел на меня и отвечал:

— В тайге с голубой улететь нельзя.

— Человек之道 немало вообще может не купать,— утрюмо заметил я.

Неприятно защемил сердце: дорог в этих местах я не знал. А жаль! Идея — И подумал и стаа продалась. Мне встает загадочное, великодушно сказать, Чагылган, что я не сержуся на него. Но по лезе-му-то раздумал.

Я муу с ним, отец,— сказала Никита и встала рядом со мною.

Где-то в глубине души я не сомневался, что Никита поступит именно так.

Чагылган не отвечал и зачем-то по-ладил кожаный партошан-браслет на запястье руки. Никита, не осмелевывая, зыгивала в сторону Беркуца. Чагылган нагнал нас уже на подходе и что-то крик-

нул на родном языке. Никита повернулся. Я не подумала, что он так зло может пунуть свои добрые глаза.

— Отец! — сказал он по-русски, в упор глядя на Чагылгана — ты меня учи: только сержу может остановить человека, идущего на помощь людям. Железо останавливает шайтан. Он мешается тебе даже тогда, когда лодка в большой беде.

— Там тебя ждет смерть! — крикнул Чагылган.

Никита пошел в гору. Слышно было, как поприкаивал на поясе его охотничий кинжал.

Я посмотрел вниз. Чагылган стоял на том же месте и зачем-то поправляла штропанш-браслет.

Когда мы поднимались на Беркуца, уже совсем рассвело. На митовне все люди перекривало дух; я впервые был на такой высоте.

Под нами упруго билась об отвесные скалы оленья. Снизу они светились, будто на земле кто-то выжег огромный остоер,— облака были красные и синие, и зеленые. Вихрь разрывал и тащил их вниз; иногда он прощевещал ясно голосу, и было видно далекие долины прощадки. Чуть дальше, как спина гигантского чудовища, негомерно плавала в облаках хребет другой стороны ущелья, весь перебитый от шквалов.

Никита зару свернула с тропы и скрылся за кедромом, затрепач слышмья.

С минуты было тихо. Мне стало жутко.

— Никита! — тихо позвал я.

— Иди сюда! — глухо раздалось в ответ.

И шайтан в шайбу. Во все это по-ходило. Справа, слева, со всех сторон, скалы по-одинному длинные зубцы, меня окружали уродливые рожи. Подняв глаза, я невольно вскрикнул: древний кедр был, грубый на два человеческих роста и ослепляюще с огромной головой; голый череп ее кое-где зарос мхом. Остальные идолами были беспорядочно разбросаны по бурелому и прислонены к стволам амтеницы. Все они походили друг на друга, как валуны на берегу реки: рты у них были немало широки и раскрыты; носов не было вообще; широкое поставленное лицо не выдвигалось, а вымучало.

— И этих дров боится отец,— тихо сказал Никита.

— Тебе страшно, Никита? — зачем-то спросил я.

Никита помолчал, перевернул ногою идола. Потом отвечал:

— Молодой олень, бегущий вперед стада, всегда сплотывается. Когда мы были у подошвы Беркуца, от напряжения больно лопали ноги. Никита смотрел на перевал, козырьком приложив ладонь к лбу. Внешне он ничуть не выдавал своего волнения. Но я-то знал, что творится в его душе!

— Отец! — зару закричал он. — Я здесь, отец!

Это глухо забилось о скалы. Я посмотрел на перевал. По крутой, слабо железистой тропе, уже обогнув огромный гранитный выступ, где мы только что были, Беркуца спускался Чагылган.

— Отец впервые в жизни пошел против шайтана,— услышав я голос Никиты.

«Ты ему дороже шайтана», — подумала я. Чагылган подбежал к нам с растерянными косичками, зачем-то пригибаясь к земле. Чалма его съехала на ухо, жидкие белые волосы свисались.

— Ай-ай! Ай-ай! — повторил он испуганно, растерянно, и то делал оглаиваясь на вершину Беркуца.

Никита шайтану воструну руку и поправила карябин за плечом. Потом осторожно дотронулся до него рукою.

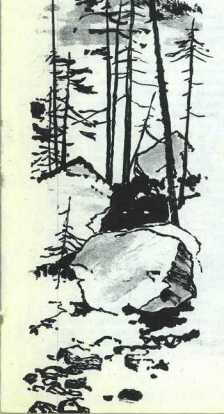
— Идем, отец...

Чагылган зару обхватил двумя руками Никиту и придирчиво ощупал его голову до ног. Убедившись, что сын его неа, он снова посмотрел на Беркуца. Тотчас же митовне заострил, косички все вздрагивая, ерзал по плечам. На абу у него бастелал кашалды лота.

«Трудно старик... эдак сразу», — подумала я и отошла в сторону, не желая мешать.

Всюду шайтану воструну руку и поправила карябин за плечом. Потом осторожно дотронулся до него рукою.

Пути бстелало одна луна...

**Владимир БУТ,
Бор. СЕМЕНОВ,**
специальные корреспонденты
«Смена»

Талнакский сфинкс

Есть такое слово — Талнах. Недоброе слово. Много лет кочевники, никогда не нарушавшие законов тундры, стороной обходили дурное место, что лежит в трех днях пути на север от Норильска. Стареший среди индейцев — кактус омакт (могильной человека) — говорил молодым: «Пойдешь по яглю за лебедем, — топь оленья поглотит, гнус тебя заест; по насту пойдешь — нарты не прикроют, саеги не спасет — замерзнешь».

Запрет — вот что значит Талнах по-инганасански.

Безит время, идет жизнь. И слова меняют свой смысл. Самое страшное слово стало самым популярным на Таймыре.

Теперь Талнах означают — «буадуещ».

И зазвучал он, Талнах, вечно отпугивавший людей, засветился по новому совсем недавно, с июля 1960 года.

Переработанная тинича скрекала отпоры Каравалского плато. Веселые космы тумана стались по болотам, черные тучи мошки висели перед глазами, словно паранджа. Не видно было ни гор, ни неба.

По тундре брели трое. Брели тяжело. Еще прошлой ночью куда-то бесследно исчезла лошадь. И теперь набитые обрешадки рюкзаков скреживали движением, тупили и злила.

Трое брели, с трудом вытискаясь улавливая за них, стараясь, содрать с ног.

Но шли. Надо было стараться и смотреть. И стучать молотками по валунам. И отмечать на карте поисковый маршрут. Останавливаться, до ложа-

Василий Нестеровский — один из тех, кому выпала счастье быть первооткрывателем Талнакского лебедо-чиселевого месторождения. Недавно Василию удостоен высокой правительственной награды — ордена Ленина.

ты в ностях бить шурфы и все довешивать ношу. И опять идти.

Как с июба, на четвертый день свалился на них сыщик. Так, в глубине болота, простиралось рудное тело. Оим нахлынула орогенных пород.

— Не может быть! Ошибка! — носился по домыну Норильской комплексной геологоразведочной экспедиции.

— Ведь сколько лет ищем! — Чудо, что ли! Или счастливицы они, эти Кравоцы, Кузнецов, Нестеровский!

Чудо? Нет, чудес не бывает. И вообще с неба свалилось счастье на трех молодых геологов, разгадавших загадку талнакского сфинкса. К его тайне они пришли по следам старших.

В 1919 году, вдохновленный на геологический поиск специальным ленинским декретом, ходил по Таймыру профессор Николай Николаевич Урванцев. Он первым сказал: «Это кладовая кладов». Потом пошел другим. В счастье, свалившееся на удачливых, есть труд, мушкетер, подвиг многих, кто мерил шагами тундру. Высокой оценкой нелегкого их труда было награждение большой группы геологов с Таймыра орденами и медалями. А буровой мастер Николай Петрович Бурнашев и начальник геологической партии Георгий Дмитриевич Маслов удостоены звания Героя Социалистического Труда.

Вслед за геологами пришли на Талнах буровики, строители. Пройдет немного времени — и норильские металлурги получат первые тонны новой ценной руды. Поток ее будет нарастать день ото дня, умогая силы самого зверного металлургического комбината.

Потому слово Талнах и понимаем мы как «буадуещ».

Переправа, лереправа...

— Будущее? Да! А делать его надо сегодня, сейчас!

Это первые слова, которые мы услышали, войдя в кабинет главного инженера управления строительства — шефа талнакской стройки. За столом стоит невысокий плотный человек в кожаной куртке. Рассерженный человек. Выблуди ножи на руке, сжимающей микрофон. Бусинки пота на лысине, на висках, скваченных сединами. Глаза вперились в динамики, словно там видится ему лицо человека, что сидит на другом конце провода и бубнит:

— Еще раз говорю тебе, возити нельзя! Ладно выдержит. Утопишь кран! — Бубнит свое, правильное. Ни на люту от буквы закона! — Под суд

пойдешь. — И чуть потеплевшим голосом. — Не первый год работаю вместе. Как друг тебе говорю: дожидись июля. Наведет понтоны через Норильск, тогда и вези.

— Ждать июля не могу. У меня люди в палатках жинут. Им дома нужны. — Последний раз говорю: плохо кончиться.

— Ты меня не пугай. Все равно повезу кран. Немецкая.

И, не желая продолжать этот разговор, он резко переключает рычажок на пульте и говорит уже диспетчеру:

— Готовые треллер, грузите кран. Повезам сегодня. Бульдозеры чисть на Норилье быдла.

Только теперь он замечает нас. Выходит из-за стола, протягивает руку. — Зайделись. Вы по какому делу?

...К вечеру треллер подтянули к Норильску. Остановились. Дорога круто сбегала вниз и дальше уже продолжалась самостийетровым ледовым мостом над темными омутами реки. Густой туман закрывал переправу.

По бокам трассы аспыгнули бочки с мазутом. На фоне плывущих языков огня обозначились фигуры столпившихся людей. Треллер дрогнул, двинулся.

Лед принял на себя пятидесятитонный груз, напрягся, затрещал. Казалось, не выдержит он. Еще мгновение, и прокатится над рекой грохот, разойдутся льдины — и ухнет все к черту.

— Уберите людей на берег.

Кто-то побрел назад. Кто-то шаркался в сторону. Остался лишь человек, идущий перед трактором с фонарем в руке, да трое в хаосте. И среди них Зайдель.

Нет, не оставит его это обидное спойдещ под суд». Расчет прован. В него вложены знания и опыт многих лет. Ошибки быть не может.

Но вдруг Зайдель говорит, что и мгла раз в год стрелает. Это, если по нелепой случайности кран все-таки уйдет под лед!

Травозимо Зайделю. Так почему же он риск неводит в авангард — переосмыслит кран ночью? Не лучше ли делать это, дожидаясь дня и ясной погоды!

Конечно, работать днем удобнее, привычнее. И каждый был бы рад не торчать всю ночь на ледяном ветру. Но иначе нельзя. Потачи они кран днем — для других переправа будет закрыта. Двести тонн необоламоушечных Талнаху грузов — и средня их хлеб — задержится в пути...

Метр за метром движется треллер. Шлепает за ним главный инженер.

Уже несколько часов продолжается штурм.

И наконец...

— Ну, как, не замерзли? — спрашивает Зайдель, ввалившись в теплую комнату, где мы его ждем. — На Талнах сегодня поздно. Да и отдохнуть там не сможете.

— Как кран!

— Целый. Речушку перемахнули. Людей спать отравили.

Он опускается на скамейку и смеется.

— Теперь самому бы отоспаться... Понимаете, отоспаться... Через три часа у нас диспетчерская планерка...

Музыка тундры

Солнце продиралось сквозь редкостные тундровые ели. На наш взгляд это было обыкновенное солнце. А вот шлофак, всю зиму проживший на Таймыре, глядя на него, сказал:

Красотяццо-то манка! Редко бывает у нас такие денки.

Навстречу, утюжа зинники, катились тяжело груженные самосалы. Мы думали, они везут руду, так же как на руднике «Свободного или на «Медвежьем ручье». Но оказалось, это не руда — пуста паровоза. А еще чаще — грунт, земля. Обыкновенная земля из ближнего карьера, где добывают ее, как руду!

Северным летом растет зинник. Возмуту Талнах в окружение болота и топи. Тогда на прорвать кольцо этой болоты. Ни тракторам, ни экскаваторам. Да лето надо сделать добычу 160 тысяч кубометров грунта необходимо уложить в тело дороги до первых теплых дней.

За поворотом мы наткнемся на первую буровую. Потом они попадаются чаще. А еще через два километра перед нами открывається промплощадь. Здание компрессорной.

И опять буровые, собравшиеся в кружок вокруг будущего стола шахты.

Гудят моторы. Грохочет уходящие под землю штаны. Мороз сегодня за сорок. А если за пятнадцать? Все равно здесь будут работать. До тех пор, пока не откажется трудиться металл.

Талнах принимает только смельчак.

Мы видели их, эти мужественные люди, повсюду. На всех участках стройки. Нас познакомили и с теми, кто пришел сюда одним из первых.

Их единнадцать: Володя Кисурин, Илья Меренков, Дима Шеглов, Виктор Мельников, Иван Черкин, Василий Старцев, Николай Демин, Иван Артемьев, Борис Иванов, Володя Шабанов, Борис Покусаяев. Это был десант, высаженный в ледовое пекло. Работа чувствовалась себе так, словно им поручили выполнить боевую задачу — закрепиться на плацдарме. А плацдармом было голое место, тундра. Негде жить? Топоры в руку,

смысла полуются звуки «Хейро» — заминки песни о счастье.

Слово «Талнах» мы перевели как «будущее». Слово «талнаховец» означает — романтик, искатель, герой.

«Плущай закаляйся...»

После смены парень отправился в город. Добирался на «паровозике», вешком «форсировал» Норильку. Штурмом брал автобус Довхал.

Двадцать с лишним километров отъезжает Талнах от Норильска. Парень промочил их джамбы. Вернулся в пургу, когда друзья уже собрались идти на поиск.

Смелый парень. Можно было бы даже сказать, герой. Если бы... Для чего человек рисковал, пускался в опасный путь? Зачем тратил время и силы? Может, вылезла из строя буровая и срочно понадобилась запасная деталь? Может, заболел товарищ и, чтобы спасти его, требовалось редкое лекарство?

Ничего подобного. Парню понадобились самые обыкновенные носки...

ябрьском Пленуме ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев говорил:

«Надо вести в правдо, чтобы в районах нового строительства, особенно Сибири, Дальнего Востока, Севера, при сооружении новых промышленных предприятий непременно создавать необходимые культурно-бытовые учреждения. Если там не будут созданы нормальные условия для работы, учения и отдыха, то люди будут поставлены в трудное положение».

Конечно, главным для Талнаха является сегодня промлощадка. Там фронт... Но на любом фронте нельзя успешно вести наступление, если не подоготовлен тыл. Ведь разве не ясно, что отдохнувший в тепле, вовремя пообедавший человек способен сделать гораздо больше, чем тот, кто всю ночь перед сменой вынужден не отапливать, а топить пенучку в промерзшей палатке?

Но, оказывается, не всем ясно. Оттого и палатки, и «лодыжки» за носками, и «героические рейсы» в баню.

Квадратный метр площади обходится в триста семьдесят рублей. Почему? Да лесом надо вести изпод Красноярск, через Игарку, Дудинку, Норильск!

А в Норильске действует завод, выпускающий стеновые панели. Завозит на Талнах строй дом. Квадратный метр жилья обходится на шестьдесят рублей дешевле, чем в деревняном. Но так «вне положено», коль существует железная формулировка черемных сооружений. «Глубокой смыслом ее состоит в том, что через несколько лет строители уйдут на новое место. И тогда дома бросят. А ведь на самом-то деле бросать все не придется. Уйдут строители, придут горняки.

И клуб понадобится этим рударям. Клуб, которого нет на Талнахе.

Почему же все-таки его нет? ...Раскрыл однажды газету некий не в меру осторожный хозяйственник. И стало ему ясно: дворцов строить не надо. За дворцы могут надеяться по шее. Испугался. А пуганая ворона, как известно, и куста боится. И стал

и брошенный старый вагон становится домом. Сейчас в этом доме горит печь. И когда ни задышет, есть горячий чай. Самой сосной газет склоченный ребятами стол. И живут они, как в штурмовой группе: один за всех, все за одного. Нерушимый закон — взаимная выручка. Общий котел. Дневальный.

День за днем ведут они наступление на тундру, расширяя завоеванный плацдарм. Пригодилось все, чему успели научиться и до армии и в годы службы. Ребята — и столяры, и плотники, и трактористы и шоферы. Первые время посылали их на разные участки. Встречались только за обеденным столом да по вечерам. А теперь и работают вместе. Гров — дисциплина. Остальные строят бетонные конструкции. Это сейчас одно из главных направлений. Без бетона ни жилье добротное не построишь, ни проходку ствола шахты не вынешь. Ребята понимают это и гордятся: «Мы здесь старожилы. Соответственно и дело нам особо важное поручено».

А рядом с вчерашними десантниками трудится бригада Сергея Алексева, построившая первый дом. Тут тоже мастера на все руки. Каждый — и плотник, и бетонщик, и электромонтер. Самому старшему еще нет двадцати пяти...

Тысяча трудных дел ежедневно свершается на Талнахе его строителями. Путь видимость не двадцать, не десять, а пять метров, шофер Николай Холмова все равно ведет по знакомую свою машину. Побелел от мороза металл, обжигает руки, но не колеблется. Человек с малыми знаниями оставляет буровую Анатолий Куликов добрался до пласта руды, напичканной металлами, как таблица Менделеева...

Молод Талнах. Молоды его люди. Самому командующему стройкой едва минуло тридцать. Это Алексей Педанов. Ленинградцев, инженер, романтик и искатель. Человек с малыми знаниями, но со скрипкой. Вечером из балки, который служит Алексею и кабинетом и спальней, льется музыка. Русская песня вдруг сменяется австрийской мелодией, сплетенной, словно затейливый узор узбекского орнамента. «Откуда ты знаешь эту музыку, Алексей? — спрашивают люди. Он смеется и рассказывает о Горбе Верлюнда. На карте это место называется Тас-Бузуг. Там строили от платины орошительной системы, там впервые услышали песни пустыни. Как ты работаешь на геологе — увлечен слушателем. — Что же повлекло тебя на север?»

И Педанов бросит свою обычную шутку: «Музыка тундры». А знаю-под

Эти ребята приехали на Талнах, чтобы здесь жить, работать, обрести профессию строителей. Приехали целой бригадой, вместе со старшим, Гришей Устименко.

Это завтра. А завтра его друг будет прибавлять сказку пургу, чтобы послать письмо родным. А еще через три дня все вместе они преодолеют этот маршрут ради того, чтобы помыться в бане. И всегда с риском на долгие часы оказаться отрезанными в тундре.

Речь здесь не о том, что нет на Талнахе маленького магазинчика или ларька, нет банк. Разговор серьезнее.

Большое года удит работы на Талнахе. Но и по сей день сохранились жилища палатки.

И это несмотря на то, что на но-

— Жилье позарез нужно, — говорит Алексей Педанов. — Но людей выделить не могу. Так планируют. Кручусь-верчусь.

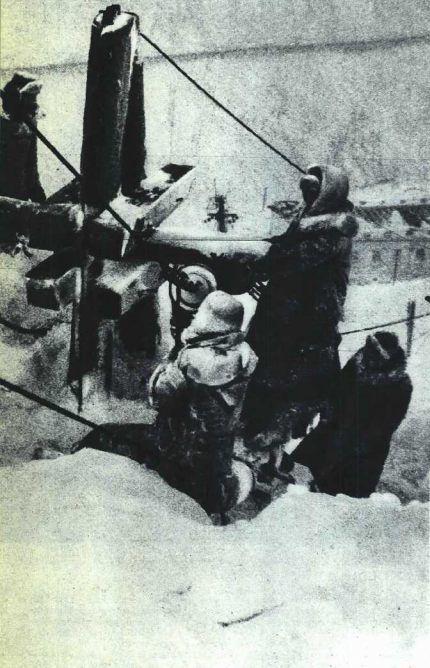
«Крутится» Педанов, строит вставные жилища. То с одного объекта бригаду на денек снимет, то с другого. Дело-то авторостепенное. Кто-то из начальства на это так и считает: временные сооружения. А раз временные, в том, в лучшем случае деревянные.

И стоит на Талнахе несколько бревенчатых домов. При морозе в пятьдесят градусов в пиджаке в них долго не походишь. А дома-то не деше-

этим «кустом» клуб. Беда заключалась в том, что вместе с клубом на жизни содея людей были «изъяты» кино и художественная самодеятельность, вечера отдыха и лекции.

Сегодня на Талнахе четверть человека ждут не дожидаясь, когда сморкнется за парты школы рабочей молодежи. Но ее здесь нет. И о ее строительстве даже не помышляют.

Не нужны талнаховцам дворцы, украшенные бронзовыми канделябрами и многолюдными лоббирами. А вот добротное жилье, клуб, школа необходимы. Только равнодушные могут

Несколько часов пурсы. Шестиметровые суровые стрелы электропередачи. Бригада электриков ликвидирует угрозу аварии.

не видеть этого. Потому что их философия проста: «Лучше закаляюсь...»

Но любит равнодушие, когда их так называют. Возмущаются, приводят аргументы: временное явление... В большом деле не без просчетов... Талнах — это не курорт... Для большинства — это не романтика. Не укрепляются демагогическими рассуждениями о сильных людях и счастье трудных дорог.

Здесьшим парням и девчатам хочется узнать жизнь, найти в ней свою дорогу. Но никогда этот поиск, это стремление закалить себя физически и духовно не были и не будут самозачаль, пустой жаждой романтики. Не из спортивного интереса к приключениям оставляют юноши и девушки нажитые места и отправляются в Сибирь или на Крайний Север. Они прежде всего творцы, создатели нового, коммунистического завтра, пионеры неизведанных краев, приходящие, чтобы вложить жизнь в глухую тайгу, в мертвые горы, в заснеженную тундру, поставить их богатства на службу своей стране.

Да, есть счастье трудных дорог! Но нельзя позавидовать людям, зачерпнувшим в своем равнодушии, перегоравшим трудные дороги, которые выбирает молодежь, искусственно нагроможденными препятствиями.

И еще об одном равнодушном...

Их не так уж много, эти невозмутимо спокойных, безразличных людей-сталактитов. Досадно, что они еще есть, но все же досаднее то, что в компании с ними, словно во злой шронин, попал, казался бы, самым что ни на есть ярым противником всяческого равнодушия — Норильский горком комсомола.

Почему он по-прежнему вался за дело. Объявил Талнах ударной комсомольской стройкой. Мобилизовал добровольцев на прокладку двадцатисемкилометровой линии электропередачи. Укомплектовал две бригады молодых строителей и послал их в помощь геологам. Наладил сбор книг для библиотеки...

— Ну, как жизнь? — спрашивали работники горкома, приезжая на Талнах.

— Хорошо! — отвечали талнаховцы. В разгаре была весна 1962 года. Сияло солнце. Можно было спокойно жить в палатках. И впереди еще было время, чтобы успеть подготовиться к зиме.

— Отличное настроение! — говорили строители, имея в виду прежде всего свои производственные дела и полагаю, что излишне объяснять, как важно, чтобы горком взял под свой контроль все, что касается их быта. Товарищи ведь сами все видят...

Работники горкома, однако, видели лишь одно: план выполняется. А раз так — все хорошо, можно ни о чем не беспокоиться...

Талнаховцы ни на секунду не ослабляют штурм тундры. Но роль горкома ВЛКСМ в этом крайне незначительна.

В руках у нас небольшая — в пять страниц, — брошюра: «Постановление Норильской городской комсомольской конференции». В ней прямо говорится, что горком ВЛКСМ безответственно относился к руководству Талнахской комсомольской стройкой.

Не часто встретишь столь явную оценку. Но здесь она вполне на месте. Талнах словно бы перестал существовать для горкома. Четыреста комсомольцев живут каждый сам по себе. Нет коллектива, а отсюда нет и силы, способной решительно бороться с недостатками в самом строи-

тельстве, с тем плохим, что есть в быту талнаховцев.

И сегодня горком ВЛКСМ не очень четко представляет свои задачи на Талнах.

— Шестьсот! А что здесь придумаешь особенного? — пожимает плечами Володя Чалов, секретарь горкома. — Комсомольцы работают там на всех участках.

Словно не понимает он, что речь идет о шефстве всей молодежи города над рудной базой комбината, над будущим Норильском.

Владимир Чалов совсем недавно избран секретарем горкома комсомола и, естественно, не может отвечать за все проблемы руководительства комсомольской жизнью талнаховцев. Но ему следовало бы быть познергичней и прежде всего правильно определить главное направление в работе.

— Мы создали на Талнах комсомольский прожектор, — говорит Владимир.

Очень хорошо. Но наиболее важное сейчас — понять самому и объяснить другим, что Талнах — это дело не только тех молодых, кто там «прописан», но и комсомольцев металлургического комбината, обогатительной фабрики, и рударей... И пусть их вклад будет исчисляться не в человеко-часах, что очень удобно, когда требуется составить «галочку». Пусть он будет еще одним жильем, домом, клубом, столовой.

На это надо поднять молодежь.

Владимиру Чалову по плечу такая задача. Отличный инженер. Оставил любимое дело, хотя понимал, что жить будет труднее: придется вдове потерять в зарплате. Шел на комсомольскую работу, сознавая, что это его долг. Проявил, как стел инжениром, Чалов много и упорно учился. Навыком комсомольской работы у него куда меньше. И поэтому молодому секретарю как воздух, нужны помощь, поддержка, совет более опытных товарищей.

Об этом должны помнить и в Красноярском крайком комитете ВЛКСМ. Хотя мы и ждем, как летит реактивная авиация, крайком все еще слишком далеко отстоит от Норильского горкома, от живых дел, нужд и запросов молодых запознанных. У товарищей из крайкома пока не доходит руки до такого важного не только в крае, но и в союзном масштабе участка, как Талнахская стройка.

Сложно Талнах. Много вопросов, много знаков ставят он. Их не сотрешь с помощью канцелярского ластика. Нужны светлые головы, горячие сердца, крепкие руки. Они тут есть. Они мыслят, бьются, действуют...

...На рассвете сверстывал мороз.

В ладном, жестком, как наждак, тумане стиралась контуры дог, в палаток. Прозрачными казались невисокое ели, то сиротливо одинокие, то жавшиеся друг к другу, словно исшедшие тепла шаровой громадой, испускавшие над тундрой кругобиты, будто лишенный подножия Королеах. Но небо было ясным и обещало солнце, такое же, как в наше первое утро на Талнах.

Уже светились окна. Всклипали чайники. Люди собирались на смену. И вдруг в звонящей уличной тишине гремело радом, послышался стук. За углом дома, взобравшись на стремянку, парень приподнял над взломом вывеску «Отделение связи».

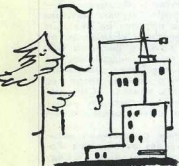
Говорят: «Обла ласточка поговори не делает». Талнаховцы думают иначе. Появился попут — значит, жизнь идет вперед и будут здесь новые дома, столовая, магазин, школа, клуб. И что бы ни случилось, точно по графику начнется прохода створа первой шахты...

Владимир ПАЛЬЧИКОВ,
участник IV Всесоюзного соединения молодых писателей (С. Калинин, Омская область)

ПОЛ Я, ГДЕ ЗРЕЕТ ХЛЕБ СТРАНЫ

Оно переполнено светом.
За пазухой — тысяча гроз.
Прекрасно сибирское лето
В сиянии радуги и рос!
Мой воздух медвяный и пряный,
Земля молодая, широкая,
И великие, как богатыри,
Восходят и жгут облака.
Во всей неохватности гулкой
У сердца оно на выдох:
Заводы железной пугающей
Дремучую ртуть асметой,
И утро, пропавшее смолоком,
Прохладные мхи расстелив,
Вторгается белым поселком
В таежный Адремитий развал,
И, чествуя купол огромной
Своею песничкой любовью,

Берут на прищел космодромы
Плавяты в ночи над собой.
Итак, открывались и зараставшей,
Кинельным своим окружая
И новой платной похвастай
И видами на урожай.
Спешит, до танка прогретого,
С зарею сбавкал зарю.
«Прекрасно сибирское лето!» —
Еще
Под конец повторю.
Итог его
В плавнях лишь вызреа,
Но будущим взят на учет.
Короткое,
Грифель, как выстрел,
И эхо по свету пойдёт!

У Л И Ц А
Дом на ней
Крепки,
Как в землю врыты.
Простор от ближних рощиц и полей
Открыт врасплох.
По самым Адремитий
И легким на помине
Океан.
В округе
Зимы
Долги и суровы.
С океан смятен волчий вой зптомых.
Равнет буря —
Свернется стурбоа
Дамится, вырастая на глазах!

Догорело,
Вздрыло на западе.
Звездам — рядом, словно светлячки.
Жду — и знаю:
Любку снова заперла
На десять запретов старика.
То пробудусь у дома, то присяду.
Злость вскипает!
Камни — вод рукои:
По воротам — раз, потом другой!
Бью в упол,
Себе ругаю рохлей —
Без вины, понятию самому.
А собаки, подальше, оглохли!
И за что их кормят, не пойму!
Нам бы взыать,
Чтоб всей округе слышно,
Чтоб, помядая, вспыхнуло огню,
Чтобы Любка, обмершая, вышла
С матерью, с отцом ам, все равно!
Пусть они выходят!
Я не маленький,

Я им прямо вет как отрублю!
— Отпустите Любку, Попывайте!
Потому что я ее люблю!
Я скажу им вот как:
— Не качельте,
Божья скоти, Любкину судьбу!
— Отпугаетесь,
Рыкнет — мол, полечте!
Ощепит серую губу,
В динной белой — нагаухо — рубаше,
Халшит дверюа,
Хмур и волосат.

Молча ухмыляются собаки,
Но она еще загосот!
Невадом, иконикси, затворникси,
С фукнусами, свинкини мертво,
С ладными гореваниа —
Мы еще посмотрим, кто кого!
Дышит ночь асвенною истемой.
Плывет в речке лузное пятно.

Словны взрываются в урёмых,
И идут ребята из кино.

Уборка,
Осень на пододе,
И стала сутки коротки.
В стенах с заката хоровадит
Бауджающие огоньки.
К токам, к токам пьлят машины.
В их кузовок но всю дину
Забята шрам мениксовой —
Не проснуться ни зерну...
Недолог сон.
А споваранку —
Опыт дорота вперед!
И снова — ружи на баранку,
И снова отдады не жди.
А в поады,

Дверцей щеакнуа дико,
С соборо кто-либууд берет
Со стана в доме поваруку:
— А ну, пора кормит народ!
По желтым, выгоревшим пожнам
Спешит машина храником,
Трусуси в кузове пороженем
Видомс с кашей и борщом...
...И вновь закат.
Он чист и розов.
И продолжится страда.
Всю ночь,
Волнуясь, ждут прогнозов
За горизонтом
Города.

КУЗНЕЦ

У него и у солнца
горячая это пора,
у него и у солнца
по горло работам с рассвета.
Вот адрельское утро
зарю выдает на-гора,
и ни облачка в небе —
хорошей погодой примет!
Плывет молот,
тревожа
шугалуво, ломкую тишь.
Задымится пола —
это выката солнцем работ.
И готова сорваться
капель
с расвержавшихся крыш.
И на абу выбухают
крутые горюпины пото!

А утром тишь и у колодца клейко —
Пимы примерзут накрепко, пока,
Протискиваясь вверх, крахтит бадейка
И вальду обдарает ей бока.
Чуть свет,
Стреляя выльсь дунком бензинным,
Горюа зарылась в снег по нурам,
Вразлащичку выходит трактор с канном
И расчищает после вальсы путь...
Здесь даже летом
изгородей слегки
И в сумерки вечерине и в зной
Напоминают всякий раз о снеге
Береговой своею беловои.
И окна в окна,
Ничего не прича,

Как бы глаза в глаза,
Глядят дома.
Любая незадача на удача
На общий суд, пль славу отдача.
Тут сообщиа — страды осенней пекло,
И праздики — всем миром, сообщиа.
Она —
... чуть уже Невского проспектали —
По праздникам
Горит от кумака!
За ней — дороги, зырятые дождями,
Размашистые доли зелены.
Она вросла обоним концами
В поля, где зреет хлеб страны.

Чуть поблизже блаблсти преданий
Речка та,

... в памятная вся,
За горани где-то, за годани
Там шурры проносится, скользя.
Помню, помню:
Воздух очень синый,
Тышина над синим камышом.
До утра увяз в прибрежной тише
Тонкий бемый месяц натпшом.

Засылая,
Канонист Стожары,
Расплевая прохладу из ковни.
Грузные сомы под крутозором
Сторожат добычу не дыша.
Помню, помню:
Эной немилосердией,
Смерт за смерчем, степь раскалена.

Потускнела, стала речка серой,
Обымаела чуть ли не до дна.
Ей в песках мытариться, горюи,
Не настичь каспийскую зарю,
И когда об этом говорю я,
Будто сам от жажды я горю.
Все мне снится:
Легкий шов не горек,
Октаймен лесами окоём...
Ведь она

... не в дельчатых предгорьях —
В детстве начинается моим.

Новомир ЛИМОНОВ

Уто ж, ты после того так и не видел Андрейчиков — спросил меня учитель. В феврале я приехал в Молдавию. И, как всегда, зашел к нашему классному руководителю. Дмитрий Самойлович любит встречаться со своими старыми учениками, особенно из нашего 8-го «б» — первого после войны выпускного класса. — Ну, что ж ты молчишь? Ведь вас раньше с Андрейчиковой водой не разольешь... Что я мог сказать Дмитрию Самойловичу...

Борт пассажирского парохода. Май. 1962 год.

Во всех помещениях и надстройках судна господствовал Робертиньо Лоретти. Когда на верхней палубе репродуктор делал передачу, из раскрытого иллюминатора какой-нибудь каюты слышно доносясь его голос. Робертиньо тосковал о венецианской Ямайке.

Вернул меня к действительности голос, который я узнал бы даже среди сотни Робертиньо. — Гражданин, на пеленгаторном мостике пассажирам находится запрещено.

Я не повернул головы, как будто связанное за спиной каскало не мешало, а кто-то другого, так вот где он, Серега, дружок моего детства! Нашел, значит, свой белый лайнер.

Я очень хорошо представлял, что он сейчас подпевает за моей спиной. Он в глубоком раздумьи, потому что команде положено быть с пассажирами взаимно вежливым. Но Серега, наверное, постепенно закипает. Я знаю, что он может внезапно раскричаться, как скрепел когда-то, потому что все уставы, вать человека за шиворот и отвести к пассажирскому помощнику капитана на предмет наложения штрафа.

Закурившись, я сделал шаг навстречу опасности. Я лет жемоктом на фальшборт, как будто там, за бортом, обнаружил что-то заворающее интересное. Но корабля спокойно и мощно резал волны. От бортов с шорохом отваливались пласты серой пены. Так и встал: пиджак натанулся на груди. Вероятно, оказался в желаемом кулаке. Серега был самым здоровым парнем в нашем классе.

— Здравствуй, Сережа, — сказал я, еще боитая ногами в воздухе.

Он осторожно поставил меня на палубу. — Ты! Каким ветром тебя занесло на судно, механизмом по турбинному является Сергей Николаевич Андреевич?

Я только успел сказать, что северо-восточным, как он стал хватать меня за плечи, стучать по спине и вообще вслескивать проявлять радость. Я тоже припрутася кулаками к его спине.

— Ты и сванился с ветры и выла подходить. Что за пиджак, дурачок, торчит на пеленгаторном мостике!

— Ты, мужественный моряк, тринадцать человек из судку герцога и так далеко. Привет тебе от нашего Дмитрия Самойловича.

— Дмитрий Самойлович... Ничего был стариком, адукавший. Так сказать, учительница первая моя. Учил нас жизни в чистом виде.

Сергей решительно погасил окурок о подметку и выбросил его за борт.

— Такие-то дела... Между прочим, в красавице Одессе находится на отдыхе Толки и Валька. А сейчас мы здорово повеселились. Толки ты увидишь через пятьдесят пять секунд.

Мы спускались и поднимались по гудящим железным трапам. Прямо перед моими глазами маячили сандалии и лямки Сергея в киниз-то совершенно субтропическое море. Когда проходили к каюте с табличкой «Второй механик», Сергей запустил руку в карман и зегодочно улыбнулся.

— Сейчас ты кое-что увидишь, — сказал он и вставил ключ в свануюж. — Только не очень бурно выражай свой восторг.

В каюте был открыт иллюминатор. О борт с

размеренной силой били волны, и бризги влетали через иллюминатор в каюту. Бризги рассыпались мелкими крапинками по столыку. Между ставнями и так вот ливом раскатывалась пустая водочная бутылка и неприятно скрипела, как скрипит стекло о стекло.

— Допил-таки все. Встал, допил и снова завалился — сказал Сергей с веселым возмущением. — Я, говорит, от затула у тебя на борту отдохну.

Сергей вышел, оставив дверь открытой, чтобы сквозняком вынесло водочный дух. Я стоял в каюте механика по турбинным установкам, и пустая бутылка каталась по столу, пока я ее не выкинул в иллюминатор. Над койкой механика в узенькой рамке висел портрет женщины. Женщина, приподняв бровь, снисходительно смотрела на меня из-за дубового плеча. Это была красавица, наверное, тогда женщина, если она так смотрела на меня. А на койке механика, тяжело дыша, лежал Толки. Правда, вранье прилипла к его лицу. Рука с вытатуированным ярыжком и погасившая в палачах сигаретой сансала с койки.

Бельши. 1948 год.

...Толки высказывал на ринг в белой майке и в белых трусах, с полотецем через плечо. В городе Бельши это считалось особым шиком. Посмотреть на бой Толки в парк или на спортплощадку медучилица шел весь город. Шли и мальчишки в кепочках с короткими козырьками, которые назывались «копечниками», Формула боя — три раунда по три минуты. Уверенно мылались тут же двенадцатичисловые перчатки на железных кулаках, и был точно расчитан каждый шаг по рингу. Это называлось хорошим римским боем. А когда гулко звенел гонг, я подсовывал под канаты табурет и обмахивал Толкиа знаменитым полотецем, до последнего момента делая вид, что не ко мне обращена команда «Секунданты, за ринг!». Я старался вогнать как можно больше кислорода в его отлично разработанные легкие.

...Наверное, эти мальчишки с короткими козырьками и увели в первый раз его с ринга в погубой Дунай — обмахивать очередную яблочку кружкой терпкого крага нйгра. Они были настоящими мальчишками. Их нахальные лица появлялись у презентового квадрата ринга всякий раз, когда на ринг был Толки.

Когда в арких духа промотора Толки вал бой на ринге, это всегда был честный бой — один на один. А мальчишки в «копечниках» никогда не ходили в одиночку, им были совершенно ни к чему зрители промоторы. И все-таки Толя пошел с ними на первую, вторую и третью кружку пеннистого крага нйгра. Наверное, ему нравилось, когда его слушают, когда вокруг него почтительное внимание. Ему нравилось купаться в лучах славы. Он не замечал, как мальчишки в «копечниках», прикрывшись его славою и силой, устраивают свои делишки.

Он с удовольствием нес почетное бремя славы. А что он несет сейчас? Где его мечта? Бельш Толя собирался поступить в архитектурный институт, хотел строить города в пустыне.

Одесса. Май. 1962 год.

Есть в этом городе кварталы, в которых можно снимать фильмы и выдавать их потом за итальянские. Там черед двор тнются веревки с бельем. Там пахнет рыбой и копытою от шумящих в каждой кучке птиц примусов. В глубоких колодцах таких дворов можно еще услышать приглушенный, заискивающий голос уличного предпринимателя, рекламирующего «мухоморы» — липкую бумагу «вишего качества» или «корень из этого состава, легко и свободно удаляющий любые пятна». В таком дворе живет Серега.

— Моя Светлана в рейсе, так что хозяйничать

ВСТРЕЧА
НА ПЕЛЕНГАТОРОМ
МОСТИКЕ

Белый лайнер
или ореховое
великолепие

У ТЕБЯ ЖЕ БЫЛ ГОРОД,
ТОЛЬКА!

ВЕРНЕТСЯ ЛИ
ЧЕТВЕРТЫЙ?

Я В МАИ

будем сами,— сказал Сергей.— Мы будем рубать и пиленые доски и гнуть, завалимся пнями кружками. Сегодня вон выгнел, корешки!

— Апельсины и шампанского не было. Было кое-что поспереване. Сергей принесил из соседней комнаты какие-то свертки, банки и ящики, корешки, один вид которых вызвал эврейский апетит.

— А ты, видно, живешь ничего, со вкусом,— сказал Валентин.

— А что? Чему нас учили в школе? Так сказать, материально-техническая база.

— Только как-то боязно садиться на эту материально-техническую базу,— с тихой завистливостью отозвался Толик.

— Подождем газетку,— посочувствовал Валентин.

— Сергея внимательно посмотрел на нас, не смеется ли кто над ним, но у Валки и Толика были непроницаемые лица. Впрочем, Сергей был так увлечен своей ролью хозяина, что все равно ничего бы не замечал.

— Между прочим, моя жена — колоссальный человек,— сказал Сергей.— Жаль, что она в рейсе. — Он кивнул-то очертания округлых женских ниваров на стол. Смутные его руки под закатыми рукавами сингапурской рубашки плавали над скатертью. Каждая из рук Сергея отличалась, чтобы ей делать.— Очень хорошее это дело — приобрести себе законную жену.

Бельцы. 1948 год.

Знаете ли вы, что такое белый лайнер? Наверное, поперты его части белой эмалью или не поперты. И замаскирование тоже не играет никакой роли. Главное, чтобы борта не болелись лопы, а ты стоишь себе в рубке, и зеленая пена хлещет в стекло, и ты берешь вилку за волосы. Эх, по морям и океанам злая нас ведет звезда.

Когда мы окончили восьмой класс, Сергея исчез из города. Он ничего не сказал даже матери. Где-то в Клайпеде он окончил курсы радистов и плавал на сейнерах по Балтике и Северному морю. Летом он вернулся в наш город. Мы уже и в мечтах не смели равняться с ним. Мы только почетливо ходили вокруг самонадвигательного мужчины и слушали удивительные рассказы о сейнерах, траулерах и о романтической службе радиста маленького рыболовного судна.

Сергея прогуливали по пляжу — гибкий и сильный — и небрежно, двумя пальцами, придерживая за красивые топаки Грина. И аспид нашему Сергею с трепетом и робостью глядели десятки Ассоль.

Потом он поступил в мореходку и приехал на нем же гоиском. И каждый год из левого рукава его форменки появлялся новый шарфик.

Он подарил мне фотографию бэрка «Товарищи» — учебного парусного судна, на котором курсанты ходили в Константинополь. «Товарищи» стремительно несся по волнам, и в парусах его блился все ветры Доброй Надежды.

Наверное, это были алые паруса. Наверное, Сергея мчаться к своей Ассоль...

Одесса. Май. 1962 год.

— А Толик наш так и не женился. Ну вот скажи, Толик, что ты ешь без жены? Истощаешь ты порца. Жена бы тебя остепеняла. Нет, что ни говори, а жена — колоссальная вещь,— продолжал Сергей.

— Радио уж — устало отмазывать Толик.— Надежда. Самая колоссальная вещь — это первая сигарета утром.

— Толик у нас оригинал. Кроме свежесмытой порчи, ему ничего, товарищ, не надо. Сорочки, штаны — да без всякого смысла. А остепениться уже пора. Жена бы тебя остепеняла. Нет, что ни говори, а жена — колоссальная вещь,— продолжал Сергей.

— Садись мне твои шкафы и шифоньеры! — Толик безразлично махнул рукой. Я видел, что он очень устал за время своего отпуска. От чего же он устал...

Сергея расхохотало. Он просто завлечивался от слова.

— Шкафы и шифоньеры, малыш,— жизненная необходимость. — В горле Сергея клокотало и перекатывалось удовольствие.— Вот моя хюндля бумажечки вокруг Европы, так она купила в Риге три эрзовых гарнитурки и спокойно транспортировала в это помещение. Два мы, конечно, хорошо пристроили, зато на третьем мой друг Анатолий Иванюч имеет возможность выпивать и закусьвать, ибо это эрзовое великолепие обоглось нам в ноль-ноль копеек.

— Плавал я на твое великолепие,— уныло сказал Толик.

— Шай Дискусини пареносис в красный угод. ЖЭКа на дивной комате под провратью стоит мой чмодаен. В чмодае папка школьных сочинений. Я взял их с собой в отпуск. Хотел по-работать. Мы всегда почему-то собираемся по-работать в отпуск. А потому из этого ничего не получается. Так тетрадки и пролежали весь отпуск на дне чмодаена.

И тут мне словно кто-то похлопнул. Я вспомнил, что в соседней комнате под провратью стоит мой чмодаен. В чмодае папка школьных сочинений. Я взял их с собой в отпуск. Хотел по-работать. Мы всегда почему-то собираемся по-работать в отпуск. А потому из этого ничего не получается. Так тетрадки и пролежали весь отпуск на дне чмодаена.

Кажим были мы и кажим стали? Я толкнул дверь в соседнюю комнату и выдвинул чмодаен. — У меня для вас, ребята, кое-что есть,— сказал я и, расстелив на столе место, положил перед ними школьные тетрадки.— Это вам от Дмитрия Самойловича.

Я знал извусту, что написано в каждой из этих тетрадок.

Бельцы. 1948 год.

Это сочинение мы писали в апреле, когда за окнами класса разгуливало ошалевшее весеннее солнце. Называлось сочинение «Кто я такой?».

Толк и Сергей сидели за одной партой, и за молчаливую сторону Сергея можно было укрыть от молчаливой гору «Подвигаателя» и «Заговорщицкую». Я пристал и, взглянув через плечо Сергея, прочитал, конечно, что-то о кляях и клотках, о кипящей пене за бортом сейнера.

Класс был занят косыми сплывшими людьми. Мы писали сочинение о цели и о смысле жизни, еще толком не поняв значения этих слов. Тогда, в солоничном классе самвенной одностопной школы мы бы показывали друг другу свои сочинения. Мы были ментальными, а мальчишки впереходного возраста редко поверяют кому-нибудь свои мечты.

И вот старый учитель передал мне эти сочинения и сказал:

— Возьми их себе. И помни наш давний уговор: двадцатого мая, в день первого экзамена, мы встречаемся. Вы честно ответите, кем вы стем...

— Я читал строки вольных раздумий Сергея Андраничюк, Толика Пастухова и Вали Бондарева от того, кем мы собираемся стать...

Вали: «Сейчас я еще не уверен, кем буду. Хо-

чется быть то инженером, то офицером... А в общем, я буду стараться везде приносить пользу».

Вали Бондарев, единственный в нашем 8-м «б», не знал, кем будет после школы. Дмитрий Самойлович по этому поводу горьково поджимал губы.

Толик: «Каждый советский человек обязан построить свою жизнь так, чтобы принести как можно больше пользы Родине. Я хочу быть хорошим инженером и что-нибудь изобрести, чтобы люди помнили обо мне».

Толик собирался в архитектурный. Он хотел построить город в пустыне.

Одесса. Май. 1962 год.

На Приморском бульваре в открытой кафе под платаном сидели любители пива. Мы прошли под платаном, мимо Потемкинских лестниц, и остановились пилать над портом. Толик сел на стальной барьер и обхватил колени руками.

— Вот и стали мы на год взрослых,— сказал Валька — Валентин Николаевич Бондарев.— И на год, и на десять, и на пятьдесят... Ну, что, построили в своей горде в пустыне?

— А ты!

— Я! — Валька подняла вверх лицо, и в его глазах заплескали голубые всплывшие звезды. Я даже удивился, как это я в том сочинении написал, что ничего не вижу вперед. А, впрочем, может, и правильно написал. Что мог написать о смысле жизни, о призвании шестнадцатилетний юноша, если не хотел повторять трескущих слов! — Валька замолчал и несколько секунд пристально следил за игрой разноцветных сузовых огней в ночном порту. Ну, что... работал токарем. Потом в армию, потом в техникум. Потом на завод и заочно в институт. Эх, братцы, видели бы вы сейчас мой завод...

Я был на заводе, где он работает начальником цеха.

Валентин Николаевич Бондарев показывал мне свой цех, проводил от станка к станку и объяснял все сложные процессы и принципы работы механизмов. Он был в замасленном ватнике и в белой рубашке под этим ватником... Я понял тогда, что Валька — поэт.

— Я-то нашел,— сказал Валька.— А ты, Толик, молчишь, потому что тебе ничего сказать. «Плавал я на твое великолепие» — передразнил он Толика.— Толик! Но это тебе и хватило. А на что ты не плавал!

Валька окончил с барьера и стал трактир Анатолия за плечо.

— Ну скажи хоть что-нибудь. Ты ведь на глазах камешены. Мы же взрослые люди, и думать надо по-взрослому.

— Понимаешь... Толик словно возвращался из какого-то тумана.— Понимаешь, мне как-то стало все равно...

— А город... У тебя же был город, Толик! — Что город? Один раз опоздал на работу, другой раз совсем не вышел... Один выговор, второй... Только и слышишь: долг, долг, долг... Будет правду кому-то должен!

— Н-да-а,— раздумчиво протянул Валька.— А ведь ты должен, Толик, должен. Должен людям своей любовью, своим талантом, Толик.

— Философ ты, Валька,— грустно улыбнулся Толик.

— Ну и нусти! Ты всегда ругался в Бельцах, когда я пытался тебе что-нибудь втолковать. Но ты понимаешь, ты должен мне, всему 8-му «б», всем людям тот город в пустыне, о котором мечтал двадцать лет назад. И Сергея должен белый лайнер. Лайнер, а не эрзовый гарнитур... Толик ведь обоглосил. Он резко повернулся и Валентин.

— Хватит! — бlesнув прищуренными глазами.— На Приморском бульваре слушают девушек, а не читают лекции по диалектике.

Они стояли с Валентином лицом к лицу.
 — И в Бельцы я с вами не поеду. Не поеду!
 На кой черт мне сдаться этот старикан! Снова поучать меня будете?! Хахати! Надоело! — Он уже почти кричал. — И вообще теперь давайте так: вы сами по себе, а сам по себе.
 Никому не подавай руки, он повернулся и почти побегал. Под платанами часто застучали его сапожки. Он ни судя о порту уже потускнели.

— Дурак наш Толки. Просто дурак, — сказал Валентин.

Мы с ним выкурили еще по сигарете. Мы больше не говорили ни о чем. Просто стояли и курили. А по всей Одессе уже шаркали метлы дворников.

— Так что, до вечера?
 — До вечера.
 — На автобусе или поездом?
 — Давай на поезде. Там можно постоять в тамбуре, потюкать...

Я шел по Одессе. Я не торопился. Можно будет спать весь день. Сколько же нас теперь? Двое или четверо? Двое — это точно. Валька — человек! Валька здорово сказал о белом лайчере и ораховых гарнитурах. Сейчас я вернусь в этот дворик, где кричат «плавачинию», и завалюсь спать, потом проснусь, и и Сергея уже не будет. Да, не будет. Ключ я оставлю в условленном месте и не оставлю никакой записки. А что я могу написать?

Вот мы живем в обществе, и оно нас кормит с первого дня жизни, нянчится с нами, водит в школы, потом в институты и заставляет читать хорошие книжки про любовь, про долг, про героев. И вот одни становятся героями и умеют любить. И умеют отдавать свой долг обществу. А другие... Можно прожить очень долгую жизнь — и не понять ее, если жизнь твояращается на слишком маленькой орбите.

Бельцы. 1962 год. 20 мая.

— Галстуки будем надевать?
 — Да надо бы... Все-таки пожилой человек, старой закалки.

Мы с Валей идем по городу и уже не здороваемся, как раньше, почти с каждым встречным. Слишком много незнакомых лиц. Слишком долго мы здесь не были. Мы подходим к знакомому дому и стучим в дверь (звонка преподаватель физики поставить себе как-то не догадался).

— Здравствуйте, Дмитрий Самойлович!
 — Ага! Это вы? Заходите. Вас уже ждут.
 У окна сидит Толки и читает газету.
 — Здравствуй, Толки!

* * *

... Что ж, ты после того так и не видел Андрейченко? — повторил свой вопрос учитель. — Ну, что ж ты молчишь? Ведь зас раньше с Андрейченко водой не разговаривал...
 — Нет, Дмитрий Самойлович, Сергея я больше не видел.

Да, мы не видели больше Сергея Андрейченко из Вого бпа. Но я очень хочу снова встретиться с ним. Я очень хочу, чтобы нас было опять четверо. Очень. Ты слышишь, Сергей?

Бельцы, Молдавская ССР.

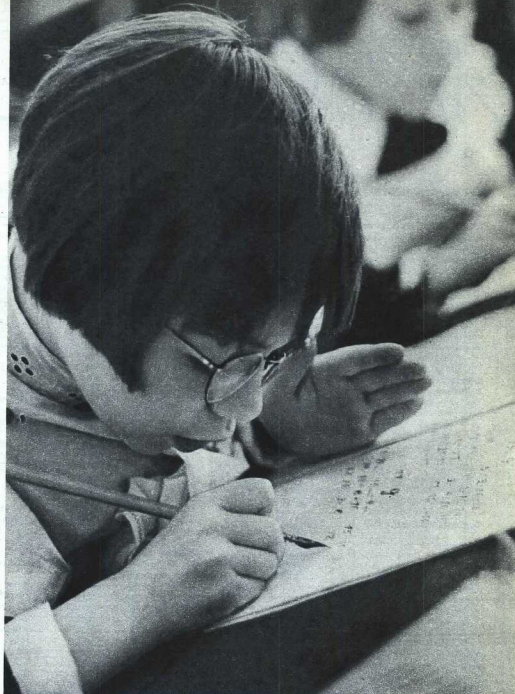
В следующем номере

В «ТРИБУНЕ «СМЕНЫ»

читайте

«НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

ИЗ ДВУХ ИСТОРИЙ»

1 ИЮНЯ — МЕЖДУНА

Сколько мне минувало! Минуточку... Кажется, двенадцать... Ну да, двенадцать месяцев.

Не верите! Думаете — два! И-и-и-и...

Видите — курочки займусь чем-нибудь, выти,

РОВЕСНИКИ СЕМИЛЕТКИ

Проходит детство в Тулах и Коломнах,
продукое на солнечных ветрах,
в детсадовских решительных
кепонках,

в дошкольных несгибаемых рядах.
Шаг пахаря,
пилота
и поэта
я слышу, умлненный,
чуть дыша.

Стремительней вращается планета
од легкую ногою малыша.
Надежда и любовь всего Союза!
И что-то происходит вдруг со мной —
не глобус —
на руках у карапуза
я вижу настоящий шар земной.
Да, мы вам отдадим свои тревоги
и веру, сохраненную в груди,
космические черные дороги,
седые океанские пути.

Вы поплывете там,
где мы не плыли,
пойдете так,
как мы еще не шли,
долюбите,
где мы не долюбили,
додумаете,
где мы не смогли.

Хозяева брезентовых
квартир,
отцы в века шагают
вместе с вами.
Они увидят вашими
глазами

преображенный
и счастливый мир!
И все скорей вращается
планета.

Мужай быстрее,
завтрашний юнец,
и принимай святую
эстафету
по партин сверземых
сердца!

В. КОСТРОВ

РОДНОЙ ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

А в два года я
буду проснуться в космос

и размышлять о том, брать ли с со-
бой косопалаго Мишку,

не забывая, конечно, о земных
заботах...

Только уберите фотоа-
парат: терпеть не могу
рекламы!

Только уберите фотоа-
парат: терпеть не могу
рекламы!

Фото Ю. ЧЕРНЫШЕВА и Н. ВАСИЛЬЕВ

Георгий МАРТЫНОВ

Рисунки А. БАБАНОВСКОГО
и Г. НОВОЖИЛОВА

Произведения ленинградского писателя-фантаста Георгия Мартина широко известны в нашей стране и за рубежом. Недавно в журнале «Мир фантастики» опубликована его повесть «220 дней на звездолете», которая впоследствии вместе с другими повестями («Сестра Земли» и «Наследство фазотон») была объединена в трилогию «Звездолетчики». Последнее произведение писателя — повести «Каллисто» и «Калистос» — приобрели большую популярность среди читателей. В 1961—1962 годах в журнале «Смена» публиковался его научно-фантастический роман «Встреча через века» (в отдельном издании он называется «Гость из бездны»), получивший немало положительных оценок.

В этом номере мы предлагаем вниманию читателей новый, только что законченный роман Георгия Мартынова «Гианэя», который печатается с некоторыми сокращениями.

ГИАНЭЯ

НАУЧНО-ФАНАТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Оранжево-желтый круг, пересеченный нисходящей голубой полосой, по-казался как безотраженной лентой автомагистрали. Неподвижный, резко очерченный, пронзенный нисходящими солнечными лучами, лежащими с безоблачного неба, он блистал точно маленькое солнце, внезапно возникшее в воздухе над самой дорогой.

Внутри венебуса продался негромко:

— Вынырнул! Приближается к полноту шаркеса. Поезд находится в ста десяти километрах. Желательно посмотреть на него, поднимите руку. В глубоких креслах сидело человек тридцать; венебус не был заполнен даже на одну четверть. Восемьдесят пассажиров, но только двое — глаза спящий шипящий звук нарушил бесшумность бега машины: заработали тормоза. Вверху установился у самого оранжево-желтого знака, который, постепенно тускнея, вскоре совсем исчез, словно растворился в воздухе.

Хотя желание увидеть экспресс на полную ходу выразили только восемнадцать человек, на машины вышли все находившиеся в ней пассажиры. Шаркес появился не так уж давно, и интерес к нему еще не успел перейти в привычку. Жителям городов не часто выпадал случай увидеть поезд на середине перегона, когда скорость доходила до шестистот километров в час.

Внутри венебуса было прохладно, а снаружи июльский полдень дышал зноем. Местность у переезда была открытая, равнинная. Бесконечной прямой линией уходили к горизонту желто-белые серые опоры железнодорожной дороги, аксида, в четыре метра над землей. Золотисто-блестящие, тонкие солнечные лучи раскалили их, полугорькие ересьясу жули. Красные линии, огражденные с двух сторон «полотно» шаркеса, в ярком свете дня казались приподнятыми, будто проведены они были не по земле, а прямо по воздуху.

Пассажиры венебуса были одеты очень легко, большинство в светлые, на тонкой материи костюмы.

Среди них выделялась высокая девушка в белом платье, более коротком, чем обычно носили в это время. Странный зеленоватый оттенок ее кожи, изумрудно-сапфировый отлив губам, ничем не покрытые черные волосы, косо поставленные, удивительно длинные глаза, приподняты к переносице — все выдало в ней человека неземной расы. Стройные тонкие члены были обиты перекрашевающимися узкими белыми лентами, закрывающими тело большими, как будто металлическими пластинами в виде удлинненных дисков какого-то неизвестного вещества. Как два щипца, они закрывали ее колени. Тонкие руки, обматываемые до плеча, заканчивались длинными гибкими пальцами с ярко зелеными блестящими ногтями, точно на конце каждого пальца девушка носила по крупицу изумруда. Зеленоватый цвет присутствовал в углах рта и особенно был заметен на крыльях прямого носа.

Ее платье далеко не доходило до колен и было сильно открыто сзади. Обнаженная спина почти полностью скрывалась под волнами длинных, удивительно тусклых перекрашеванных и заталачиваемой широкой белой прищипкой все той же формы ленты неизвестного на Земле вещества.

Но извлекать не портила внешнего вида девушки, наоборот, она была своеобразно красива. И только косо расположенные глаза придавали лицу выражение грусти.

Пассажиры венебуса успели уже приглядеться к своей необычайной спутнице и не обращали на нее особого внимания. Все знали, что она такая. Не было на Земле человека, который на слух был бы о фантастической и загадочной истории. Только иногда любопытный взгляд украдкой останавливался на ее статной, высокой фигуре, словно стараясь угадать, что нужно здесь: гостья Земли, земч, оказалась она в венебусе, идущем по маршруту Киев — Полтава.

Девушка не замечала этих взглядов. Казалось, что она вообще не замечала никого из окружающих ее людей. Ни разу ни на ком не останавливала взгляд ее бархатно-черных глаз.

Ее звали Гиянза. Как и она сама, это имя было известно во всем мире.

Рядом с ней находилась другая девушка, но уже обычного, земного типа. Она тоже была высокого роста, но все же на полголовы ниже своей спутницы, с такими же губами, как и у нее. Она видела то, что человек Земли не мог бы увидеть без бинокля, улавливая запах, которого не почувала бы и специально натренированная овчарка. Тонкие, нервные пальцы Гиянзы были способны ощутить совершенно недоступные пальцам людей.

Способности загадочной гостьи давно уже привлекли пристальное внимание ученых, обладающих чудесным голосом, диктатором которого охватывал почти все отзвуки земного радио, прекрасно рисовала карандашом, углем и красками. С непринужденной легкостью лепила из глины и высекала из мрамора скульптурные портреты. И все это делала так, словно — все же жила бы вешней, худощавой или скульпторской. Ее тело было настолько и самобытно выразительным, уминистическим упрямением. Во все виды легкой атлетики Гиянза была первой. Только спортсмены-мужчины, рекордсмены своего вида спорта, могли соревноваться с ней без риска обязательно оказаться побежденными.

Было замечено, что Гиянза больше всего любила плавание. И она плава-

ла в отменном стиле классического кроля, что доказывало, во-первых, распространность этого вида спорта, все еще не удалось достигнуть с ней братам ее народа. Быстрый способ плавания не являлся прерогативой Земли.

Но, говоря о физических данных Гиянзы, ученые ни слова не упоминали об ее умственных способностях. Они их просто не знали.

За полтора года, прошедшие с момента первого появления на Земле этой девушки из другого мира, все еще не удалось достигнуть с ней полного взаимопонимания. Гиянза не выражала ни малейшего желания изучить земной язык, предлагая всю инициативу людям Земли. Перед группой ученых-лингвистов, взявшихся за изучение ее языка, встала нелегкая задача, и не только из-за трудностей самого языка, но главным образом из-за ее необычайной покладливости. Она очень незлобно делала уроки, ограничиваясь самыми простыми словами и понятиями, без которых сама не могла обойтись, живя на Земле. И спустя полтора года с ней можно было говорить только о бытовых вопросах. Малейшая попытка расширить знакомство с ее языком вызывала у нее очень незлобно-агрессивную реакцию, которая вела к немедленному отrops. Создавалось впечатление, что Гиянза твердо решила ни за что не дать людям возможности задать ей вопросы научного или технического характера.

Может быть, Гиянза сама была незнакома с наукой своего мира? Обстоятельства ее появления на Земле решительно говорили против такого предположения. Она, безусловно, не могла зная. И ученые не теряли надежды получить наконец ответ на интересующие их вопросы. Не будет же Гиянза вечно молчать! Если она хочет когда-нибудь вернуться на свою родину, то это может случиться только с помощью людей Земли, с помощью земной техники.

Сосем недавно надежда сложить непонятное упорство Гиянзы уменьшилась. Гостья впервые заговорила о прошлом.

— Я покинула родину, — сказала она единственному человеку, к которому уже чувствовалась расположение, Марине Муратовой, ленинградскому лингвисту, той самой, которая сопровождала ее теперь в поездку, — почти против своей воли. Но почему-то я не ощущаю особой тоски по ней. А я, как и вы, на Землю, я попала совсем уже против воли. Удивительно неудачен был для меня этот рейс. Но остаюсь у вас навсегда... — Она вздрогнула.

Наконец-то проявились на Гиянзе обычные человеческие чувства! Полтора года она держала себя, с первого же момента, с неестественным спокойствием.

— Ваша родина лучше нашей Земли? — спросила Муратова, вполне убежденная, что получит утвердительный ответ.

И ошиблась.

— Нет, — ответила Гиянза. — Ваша Земля гораздо красивее. Но мне все же дороги воспоминания детства и юности.

Вот это было все. Гиянза снова замкнулась в себе, не ответив на дальнейшие вопросы Муратовой, пытавшейся продолжить беседу.

Но и то, что она сказала, было проблемком. Гиянза окружила еще большим вниманием и заботой. Было решено не форсировать событий, ожидая, когда она сама захочет высказаться. Раз заговорил о своем прошлом, Гиянза должна была рано или поздно вернуться к нему.

Муратова стала постоянным спутником и переводчиком Гиянзы. Между двумя девушками постепенно установились дружеские отношения. Возможно, это способствовало хотя и небольшому, но несомненному внешнему сходству.

Так закончилась родина Гиянзы? Откуда являлась она столь странным и загадочным образом в солнечную систему? И как это могло произойти «против ее воли»? На эти вопросы могла ответить только сама Гиянза. Но она молчала, молчала уже полтора года.

И вот сейчас, в жаркий июльский полдень, таинственная пришельца из другого мира стояла у полотна шаркеса.

Что привело ее сюда? Этому она не знала и Муратова. Гиянза выразила такое желание, и этого было достаточно. Ее желания старались выполнять беспрекословно. Можно было только предполагать, что в Полтаву ее привлекло предоставление скорой помощи в рамках приземления шестой лунной экспедиции на полтавском ракетодrome.

Но что могло заинтересовать Гиянзу в этой экспедиции? Даже к Земле она относилась, казалось, без всякого интереса. Но...

Во что «он» и хотелось выяснить чужеземной Гиянзе интересуют ли Гиянза Луна? Решение этого вопроса могло пролить свет на многое, что до сих пор оставалось тайной.

О возвращении «шестой» никто не говорил Гиянзе. Откуда же она могла узнать об этом?

Но, как бы то ни было, Гиянза сказала, что хочет поехать в Полтаву, указав этот город на карте.

В своих поездках по Земле, а они были довольно часты и продолжительными, Гиянза упорно пользовалась наземным и морским транспортом, самолетов она не признавала. И в этот раз она предпочла венебус, хотя и знала, что этот путь длиннее и утомительнее.

Может быть, Гиянза хотела видеть вблизи земную природу?.

Времени оставалось немного. Для шаркеса, идущего на полную скорость, это километраж — это десять минут. Группа пассажиров наземных магистралей. Наблюдать прохождение экспресса снизу было не так интересно.

Первой на вершине маленького холма оказались Гиянза. Она легко взбежала по довольно крутому склону, одним прыжком одолев последние метры.

На фоне синего неба отчетливо вырисовывался ее стройный силуэт, свободно развернутой плечи и гордая посадка головы. Издали зеленоватый оттенок ее кожи не был виден, и Гиянза казалась коричневой статуей, одетой в ослепительно белую одежду.

— Очень красива! — заметил кто-то из пассажиров венебуса.

Муратова была хорошей спортсменкой, но при подъеме на холм отстала от своей спутницы метров на десять. Оказавшись рядом, она невольно обратила внимание на то, как спокойно и ровно дышит Гианзя. Стремительный подъем, очевидно, нисколько не утомил ее и не нарушил ее равновесия.

— Я слышу какой-то протяжный гул, — сказала Гианзя, протягивая руку в ту сторону, откуда должен был появиться экспресс.

Он был еще очень далеко, за горизонтом. Никто в мире не смог бы уловить на таком расстоянии характерный шум идущего по рельсам ходом шарика. Но Муратова ни на секунду не сомневалась в том, что Гианзя действительно слышит этот звук. Слишком часто приходилось убеждаться в феноменальности слуха гостей.

В памяти Муратовой всплыла фраза из детской сказки: «Слушал, как трава растет».

«Что-то», — подумала Марина, — а Гианзя, пожалуй, способна на это. Любопытно, сколько звуков слышит она, когда нам кажется, что кругом полная тишина?»

— Со стороны везущая металлический голос предупредил:

«Экспресс приближается!»

Значит, и механизированный водитель машины услышал шум поезда. Кибернетический автомат обладал такой же остротой чувств, как и живая Гианзя.

Линия шарика была видна с холма, как на ладони. Самая первая на Земле линия шарика была построена в виде сплошной полугоры. Только впоследствии пришли к убеждению, что линия такая не нужна, что она даже уменьшает скорость, создавая излишнее трение. Сокращение площади «кривой» вполне можно было компенсировать увеличением количества шариков поперечной поверхности сплошного шарика. Эти рациональные предложения и рассчитанные молодым тогда инженером Виктором Муратовым, родным братом спутницы Гианзя, дава блестящие результаты, скорость экспресса сразу возросла на двадцать процентов.

Шарик приближался. Теперь его слышали не одна только Гианзя. Из-за горизонта нарастал протяжный звук, словно гудела туго натянутая толстая струна.

— Ну не сметет отсюда! — опасливо спросил кто-то рядом с Муратовой.

— Что ты! — отвечал другой. — От нас до полотна метров тридцать.

Точно услышав этот разговор, механизированный водитель везущего снова подал свой голос:

«Не приближайтесь не стоять, а сесть на землю», — внятно и раздельно сказал он.

Все поспешили выполнить этот совет. Но, услышав перевод, Гианзя осталась на ногах. Свешая было Муратова послушно поднялась. Она не могла допустить, чтобы вверенная ее попечению гостя ушла из-за своей неосторожности. Единственная кто бы позволила травму, была радость с Гианзей, она крепко обняла девушку за плечи: так было устойчивей.

Гианзя улыбнулась и, в свою очередь, обхватила рукой талию Марины.

«Теперь мы упадём», — подумала Муратова, ощутив всем телом, как надвигается опора этой толпой, немой с виду, но такой сильной рукой.

— Это дорогу построил ваш брат? — неожиданно спросила Гианзя.

Муратова вздрогнула. Это уж слишком! О своем брате она никогда не упоминала в разговорах с Гианзей, исполняя просьбу Виктора. Он не хотел, чтобы кто-нибудь о нем рассказывал. Был самый Виктор. Гианзя хорошо знает, не подозревая, что он брат Марины. Кто же мог сказать ей о нем! И откуда она знает, что именно Виктор предложил идею такого пути?

Больше, ступив небожно посаженные глаза внимательно смотрели на Муратова, ожидая ответа. Едва заметная улыбка тронула зеленые глаза улы, красиво изогнутой рта. И у Марины — в который уже раз! — мелькнула мысль, что Гианзя притворяется, что она знает язык землян, втайне от нее читает газеты и журналы.

— Нет, — машинально ответила Муратова на своем родном языке. — Он

— Что вы сказали? — спросила Гианзя.

«Если притворяется, то очень искусно. Но может быть, она знает не русский язык, а какой-нибудь другой?»

Муратова первая сказала о языке гостей.

А шифер везущего услужливо информировал:

— Шарик идет со скоростью шестистот десяти километров в час, или стот шестидесяти девяти и семидесяти стотых метра в секунду.

Видя, как где-то впереди пути казался сливающимся в одну точку прямо линию, повисла яркая блестящая точка. Она стремительно приближалась. Низкий протяжный гул усиливался с каждой секундой.

Скоро можно было отчетливо рассмотреть закругленный корпус переднего вагона, сделанный из сербристого металла. Позади экспресса, если видный в солнечных лучах, тянулся длинный шифер взвращенного воздуха.

Некоторые из зрителей на холме затрепыхали уш. К могучему гулу присоединился все усиливающийся свист.

В тот момент, когда короткой стеной сербристой молнии промелькнула мимо холма, ударяя по зрителям тугой волной расщепленного воздуха, Муратова случайно посмотрела в лицо Гианзя и успела заметить, как в темных глазах ее спутницы блеснул огонек.

К чему он отнесся? Что его вызвало? Было ли это восхищение перед могуществом земной техники или... несмелый перед ее отсталостью?

— Каково ваше впечатление? — спросила Муратова, когда стух гул от удалявшегося поезда.

Но Гианзя ничего не ответила.

2

Обе девушки не знали, что человек, о котором они недавно говорили, находился в экспрессе, только что выехавшем из станции.

Виктор Муратов сидел в глубоком мягком кресле в стенке вагона и внимательно просматривал страницы какой-то рукописи.

Это был человек высокий, сильно загорелый, атлетически сложенный мужчина лет тридцати пяти. У него были такие же, как у сестры, густые черные волосы и темные глаза, приподнятые к переносице. Это делало его немного похожим на Гианзя.

Сам он не замечал такого сходства. Правда, один раз, в очень памятный для него случай, сам же заметил, но Муратов вскоре забыл эту фразу.

И не вспоминал о ней даже сейчас, когда перед его глазами была фотография Гианзи, наклеенная на одной из страниц рукописи.

Он даже не взглянул на снимок. В этом не было никакой нужды, так как он был в числе тех, кто первым увидел пришедшую из другого мира. Ее черты навсегда запомнились в его памяти. Слишком необычными были обстоятельства этой первой встречи и место, где она произошла.

Быстро прочтя последнюю страницу, вернее, только скользя по ней глазами, Муратов сложил листки и, согнув рукопись пополам, сунул ее в карман.

— Нет, это совсем не то! — сказал он, пожав плечами.

— Что на то? — спросил сидящий рядом поочередно, скорее даже старый человек с белоснежными волосами.

— Не то пишет автор, — Муратов дотронулся до кармана, где лежала рукопись. — Это очередная гипотеза появления Гианзи. Меня просили прочесть и сказать свое мнение.

— И вы отрывительно!

— Да, как видите.

— А вы, простите, кто будете?

— Слышал — сказал старик. — Как же, слышал и не однажды. Но прошу прощения. Раз уж вы с нами встретились, то, если вы не возражаете, окантите, что же вы собираетесь читать с такой безумной скоростью...

«Кто он такой!» — подумал Муратов. — Даже манера говорить у него какая-то странная.

— Пожалуй, — сказал он в слух.

— Вот еду — начал старик. — Весь путь длится всего два часа. В мое время на это понадобится бы целые сутки на скором поезде. Еду, а не знаю, что же вы собираетесь читать с такой безумной скоростью...

— Почему безумной?

— Ну, не знаю, — сердито сказал старик. — Для вас это может казаться самым естественным, но для меня, для меня это не так. Так вот, если будете столь любезны, объясните, пожалуйста.

Видя, что старик продолжает рассуждения, Муратов, Да, этот человек стар, очень стар. Теперь, когда наука во много раз продлила молодость человеческого организма, такое морщинистое лицо встречается редко.

Да и самый факт, что он не знает вещей, хорошо известных даже детям, указывает на то, что он старый и весьма почтенный возраст.

— Простите, — сказал старик, подделывая под манеру говорить своего спутника, — не скажете ли вы, сколько вам лет?

Старик неожиданно davvero рассмеялся.

— Готов спорить, — сказал он, — что вы задаете себе вопрос: откуда вы знаете столько неучу! Не возражайте, я не обиделся. Это вполне естественно, что вам так подумали. Да, с современной точки зрения я мало знаю. А когда-то считался образованным человеком. Учил других. Трудно поверить, правда! — И он снова засмеялся, как показался Муратову, с легким отрывком горечи.

Давидая мальчугана в мозгу Муратова. Неужели это тот самый! Пожале, что так. В то время людей еще называли не только по имени, но и по отчеству...

— Вы ошибаетесь, Николай Адамович, — сказал он, — никто не считает вас неучем.

— Дагадвали, усмехнулся старик. — Да, я и есть Болотников, Николай Адамович, доктор биологических наук первой половины прошлого века. И мне девяносто семь лет. А если признать время, которое я провел во сне, то и все сто двадцать два.

— Во сне... — машинально повторил Муратов.

— Ну, не во сне, а в анабиозе. Разница небольшая. Анабиоз — это тот же сон, только длительный.

Муратов все вспомнил.

Это произошло в дни его детства. Погружение в сон, или в состояние анабиоза, как средство prolongation жизни служило тогда темой бесчисленных дискусий среди медиков и биологов. Этот метод наравне с другими был признан ставшим процессом. Неправда, но не во всех случаях. Опыты над животными показали, что наибольший эффект достигался, когда анабиоз применяли к организму уже состарившемуся. Нужен был опыт над человеком. Тогда давносторелый профессор Болотников предложил себя. Муратов помнил фотографии в журналах, которые он, ребенок, рассматривал с любопытством. Значит, Болотникову ввезли в жизнь четыре года назад. Как раз в то время он, Муратов, находился далеко, увлеченный своим делом, и это событие прошло мимо него.

— Теперь вас не должно удивлять мое невежество во многих вопросах, — начал старик, обращая внимание на то, что дядя выходя из вагона, — Если бы вы знали, сколько времени на ознакомление с достижениями биологии, мне едва хватило. Все остальное как-то выпало из поля зрения.

— Я понимаю, — сказал Муратов. — Интересная встреча. Я очень доволен. Мне вообще везет в этом отношении. Я много раз встречался лицом к лицу с знаменитыми людьми. Может быть, вы не знаете, но и Гианзя...

— Этого — я знаю, — перебил Болотников. Он посмотрел не часы. — В нашем распоряжении осталось всего пятнадцать минут. В Платва я выхожу.

— Времени хватит, — сказал Муратов. — Вы хотите знать, как движется шарик?

— Да, если это не затруднит вас.

— Ну, конечно, знакомы с токами ультракороткой частоты! — Болотников изложил историю. — Если бы вы знали, сколько времени на ознакомление с достижениями биологии, мне едва хватило. Все остальное как-то выпало из поля зрения.

энергию для своих моторов от этих проводов, или, как их называют теперь, вевбусы, существовали уже тогда...

— Вы хотите сказать, что шаркс...

— Это именно. Только теперь ток ультравысокой частоты идет не по кабелям. Найдя способ передавать их прямо по воздуху, надобные радиодиагоны, и притом без потерь. На определенной высоте над землей разлит, если можно так выразиться, сплошная пелена энергии. Если раньше, например, вевбусы вынуждены были передвигаться только по тем дорогам, которые проложены кабелями, то теперь они могут ходить где угодно. Но двигатели вевбусов—это электромоторы, а у шаркса они реактивные. Энергия практически безграничной мощности является «с воздухом», а шарксины принцип скольжения... он известен очень давно. Вот и нет, зато возможность развить... безумную скорость... ульмиуски Муратов.

— Ишь, запломатный!— сказал Болотников.— Ну, спасибо, голубчик. Все ясно. Недаром говорили в старину: дело мастера боится. Вы же объяснили просто и исчерпывающе. Приближаемся к Полтаве,— прибавил он, поспешив в отрывке, но все думая вагона оном.

Шаркс продолжал мчаться с прежней быстротой. За зеркальным стеклом, сколько хватал глаз, раскинулись панорама огромного города. Высоко в небо уходили громады высотных зданий.

— Нет, это еще не Полтава,— сказал Муратов.— Это Селена, совсем новый город, выросший за последние пять лет вокруг реакторной. Это пригород Полтавы.

— Хорош пригород!— усмехнулся Болотников.— Побольше прироста столетий! Между прочим, как здесь в последний раз, ровно сто лет тому назад, это был сравнительно небольшой город. Я говорю, конечно, о Полтаве, а не о Селене.

Шаркс начал замедлять ход. Мощный гул, едва слышимый внутри вагонов, теперь как будто совсем смолк. Управлявший поездом автомат выключил двигатели, рассчитав, что машинист выйдет до переезда станции.

Селена осталась позади. Быстро надвигались массивы окранных зданий самой Полтавы.

— Прощайте, голубчик!— сказал Болотников.— Мне было очень приятно познакомиться с вами в Полтаве!

— Надели деля.

— Тогда не прощайте, а до свидания. Я буду здесь через три дня.

— Встретить увидимся!

— Вот именно.

— Ну, значит, увидимся, если вы захотите, конечно.

— Обязательно захочу. Кстати, вы знаете, что Гизия будет здесь? Или она и хочу ее видеть. До сих пор не пришлось. Только не снимках и на экраны.

— Вы хотите с ней познакомиться?

— Даже очень хочу, но как это сделать?

— Гизию сопровождает в качестве переводчицы моя сестра. Подойдите к ней, передайте привет от меня, и она вас познакомит.

— Спасибо! Обязательно это сделаю. Гизия меня очень интересует. Кстати, это ее действительно имя? Я хочу сказать, оно так и звучит на их языке?

— Все совсем так.— Муратов произнес медленно, растягивая слоги: — Гиз... аиз... Но вы прилично так звучит это имя. Так представляется она при первой встрече. Мне стало еще проще — Гизия.

— И она?

— Сразу стала отзываться на это имя.

— Вы знаете их язык?

— Знаю все слова, которые смогу запомнить. Примерно слов триста.

— Трудный язык?

— Да нет, не очень. Вас удивит то, что и сейчас скажу. В этом языке мне чудится что-то знакомое.

— Как это может быть? Выходит чужой планеты...

— Мне самому это странно. Но никак не отделяется от впечатления, что слова звучат знакомо. Может быть, когда будет известно больше... Пока мы знаем немного. Эта странная девушка не хочет знакомиться нас со своим языком.

— Но почему?

— На это может ответить только сама Гизия. Попробуйте!

Шаркс остановился. Перлон вокзала скрывалась глубокая стена предохранившего от шума. Вокзал равнялся, какшии стены терминала, поезд двинулся вперед, разогнавшись в этом месте). Оттуда из нижней части вагона скользящими вниз ступени широкой лестницы.

Болотников с ним раз поговорил с Муратовым, еще раз поблагодарив его и вышел. С ним вышел человек десять. Снизу поднялись другие пассажиры.

Муратов не спускался на перрон, он знал, что шаркс простит всего четыре минуты.

Прозвучал сигнал отправления. Лок в полу вагона застрял. Вагон чуть замедлил попятный ход. Поглядывая назад, он увидел, как шаркс вышел из вагона под открытое небо. Все был в ярости и быстрой замелькала дома Полтавы, шаркс стремительно набирал скорость.

Вскоре город исчез за горизонтом. По обе стороны полотна дороги расстилалась бесконечная жерновья. Вокруг виднелись аэнептиры. Огромные, неуклюжие с виду, они медленно ползли среди моря хлебов, и казалось, им не было числа. Шла война в это лето уборка урожая.

Муратов почувствовал, что голоден. Буфетный шкафчик снабдил его стаканом горячего черного кофе и бутербродами.

Возвращаясь к своему креслу, Виктор вспомнил Болотникова.

«Славный старик!— подумал он.— Чудакватный, но очень симпатичный. Интересно, как отнесется к нему Гизия?»

С открытостью, какой не часто обладали люди Земли, девушка думала, миром сплотившись с людьми той планеты, она могла бы охотно познакомиться с ее культурой. Но она была знакома с рукопожатием, к другим сразу же выказывала антипатию. Случалось, что она поворачивалась спиной к человеку, желавшему познакомиться с ней. И никогда не отвечала на вопрос, почему ей не нравится тот или

иной человек. Было замечено, что чаще всего она хорошо относилась к людям высокого роста, тогда как малорослые люди, почти как правило, не возбуждали ее симпатий.

Первые мысли о пребывании на Земле Гизия привнесла людям поднимать открытой ладони до уровня плеча, но потом она перестала это делать.

«Скажет ли она на Земле!— думал Муратов.— Тоскует ли о своей родине? Почему не хочет видеть, поглубже познакомиться с Землей и ее обитателями? Какова цель преследует Гизия своим упорным молчанием?»

В том, что Гизия ведет себя так с какой-то целью, Муратов не сомневался. Существовала причина, и причина серьезная. Но в чем она заключалась?

Муратов разражалась таинственность Гизии. Именно поэтому он покинул госпиталь Земли сразу после того, как доставил ее на Землю. Но не терпел загадок, не поддающихся загадке. А здесь была даже не загадка, а необычайная тайна. С первого же дня, с первого момента своего появления Гизия замыслила в себе, видимо, заранея наметив линию поведения, которую следовало придерживаться, так как был свидетелем первых часов и дней, проведенных гостями среди обитателей Земли.

«Есть причина, есть!— часто думал он.— И кто знает, может быть, эта причина гораздо важнее, чем то, что стремится узнать у Гизии наши ученые?»

Рукопись, которую он прочел, разговор с Болотниковым снова — в который раз! — вернули его мысли к событиям недавнего прошлого.

Он помнил, помнил до мелочей все, что предшествовало появлению Гизии...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

«Дорогой Виктор!

Очень прошу тебя приехать ко мне. Неудачно. Удалось наконец излучить в пространство волну, присутствие которого в солнечной системе подтверждалось еще в прошлом веке. Поминичи, я тебе рассказывал о нем! Но мне не все ясно. Какие-то странности. Приезжай! Трехнем старинной — подумав вместе. Проблема интересная, не пожалейте. Приезжай! Обязательной! Ты мне очень, очень нужен!»

Сергей.

Муратов дважды прочел короткое письмо друга.

Было ясно, что Синицы писал его, будучи вызванным или находясь в состоянии нервного возбуждения. На это указывали несостоявшаяся уверенность стиля и трижды повторенная просьба приехать. Да и почерк был необычный — неровный, явно троллиновый. Это не вяжется с образом всегда сдержанного, спокойного в словах и жестках астронома. И зачем писать, когда же само можно быстрее и проще сказать по радиотелефону!

«Объект идет рывок! Муратов решительно не помнил, чтобы его друг рассказывал ему что-нибудь подобное.

Дело, конечно, в астрономическом открытии. «Пространство», «солнечная система» — достаточно ясно. Но ведь Сергей хорошо знает, что он, Виктор, никогда особенно не интересовался небесными телами, знаком с астрономией только в пределах школьной программы. Какую же помощь он может получить?

Проще всего было подойти к радиотелефону и вызвать наблюдателя, где работал Синицын. Но Муратов просто органически не переносил, если раньше перед ним, была самая пугающая загадка оставалась не разгаданной им самостоятельно.

Так и сейчас. В письме была невнятность. Сергей просит приехать, но не пишет, зачем. Значит, надо догадаться самому.

Муратов пассивно всматривался в каждое слово.

«Странности! Вот, пожалуй, ключ к пониманию. Сергею удалось (он сам так пишет) открыть что-то новое в солнечной системе. Факт удивительный сам по себе. Что-то, а солнечная система как будто исследована вдоль и поперек. И вот обнаруженный им объект ведет себя странно. Сергей не понимает причины. На это указывают слова: «подумав вместе, так! Теперь дальше...»

«Разрешить странности». О чем может идти речь? Не о спорте же. Она оба любители в дни юности решать совместно запутанные математические задачи. Подходит? В чем может проявляться странности астрономического порядка? Только в движении тела, его орбите. И, наконец, «проблема интересная! Все ясно! Сергей нужна помощь математика, чтобы разгадать, по какой орбите движется объект?»

Муратов ульмиуски. Стоило думать целых пять минут, когда все и так ясно и никакой загадки нет.

Он был занят и не располагал бросить работу. Может быть, можно попытаться уловить, оставшись на месте! Так ли уж необходимо его личное присутствие?

Муратов подошел к аппарату. Но переговоры с Сергеем ему не удалось. Кто-то из сотрудников обсерватории сообщил, что Синицын второй день не выходит из своего кабинета. Заперся и не отвечает ни на какие вызовы. «Что же он, не ест и не спит!» — спросил Муратов. «Пожалею на то», — был ответ.

Это вполне соответствовало характеру Сергея. Если что-нибудь поглощало его мысли, он был способен работать сутками, без отдыха.

Да, видимо, вставшая перед ним проблема действительно очень интересная!

Не оставляя же трижды повторенную просьбу друга без внимания. Не колеблясь, Муратов решил ехать в тот же день.

«Почему бы не пойти ко мне, что послужит за этим письмом! Поехал бы он тогда к Сергею!»

(Продолжение следует).

Ф. ЗИГЕЛЬ

Не только огромная удаленность от Земли мешает астрономам узнать все подробности о Марсе. Расстояние между Землей и Марсом непрерывно меняется в весьма широких пределах. В некоторые периоды оно увеличивается до 378 миллионов километров. В наиболее благоприятные моменты, называемые великим противостоянием (раз в 15 или 17 лет), оно сокращается до 55 миллионов километров. Однако и тогда в самые лучшие из земных телескопов на поверхности Марса можно различить детали, которые в поперечнике составляют не меньше нескольких десятков километров. Более подробные детали попросту не видны.

Сильно осложняет изучение нашего небесного соседа и земная атмосфера. Двумядесяти неоднородные струи воздуха порты изображение планеты. Оно становится размытым, дрожащим, и, что особенно печально, эти атмосферные помехи тем заметнее, чем больше увеличение телескопа.

Астрономы, естественно, стремятся как-то преодолеть эти трудности. Они строят более совершенные телескопы, стараются забраться с ними на высокие горы, где воздух чище, разреженнее и спокойнее. Поднимает телескопы в верхние слои атмосферы с помощью воздушных шаров и стратостатов. Но последнюю роль при наблюдениях Марса играет не опытность наблюдателя. Там, где новичок не видит ничего, профессиональный глаз может рассмотреть множество деталей. В этом отношении глаз пока имеет явное преимущество перед фотопластинкой, правда, уступаая ей в объективности.

Вот почему астрономы с таким нетерпением ждут первых анонсов снимков Марса. Вкратке, лучше всего их получить с помощью межпланетных автоматических станций. Такие станции могут сразу «убить двух зайцев» — подойти к Марсу очень близко и сфотографировать загадочную

ПАВКЕ КОРЧАГИНУ

ЗАМЕТКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Елена МАКАРОВА

Недavno по страницам наших газет и журналов прокатилась волна дискуссий. Разговор шел о преподавании литературы в школе. Спорили о разном — о методике, о языке учебников, о нагрузке педагогов, о том, кого должны готовить школьные курсы: «читателей» или «критиков». Вопросы эти, что и говорить, важные, их действительно нужно решить, и чем скорее, тем лучше.

Но в нашу спорную забаву — или почти забаву — о самом, на мой взгляд, главном, — о том, что составляет нервную и конечную цель преподавания литературы в школе, — о воспитательном значении этого курса. Литература — это человековедение. И где, как не на уроках человековедения,

«впитать» характер молодого человека, формировать его мировоззрение. Я убеждена, что мы, преподаватели литературы, в равной степени и учителя и воспитатели в самом широком понимании этого слова. И нашу работу следует оценивать не только знаниями наших учеников, но и самой их жизнью, их поведением, их идеями и моральными качествами. Я убеждена, что в этом смысле учитель ежедневно держит экзамен и — что греха таить — иногда «проваливается».

Я вспоминаю очень тяжелый для меня день. Впрочем, не только для меня, для всех преподавателей нашей школы. В тот день в учительскую вошла человек в милицейской форме. То, что он рассказал, поразило всех.

Речь шла об ученике одиннадцатого класса Саше В. Оказалось, что Саша был заводской в какой-то темной компании, состоявшей из танков жло, как он, старшекласиком. Они собирались в одной из московских квартир, пили, бавались непристойными стишками собственного сочинения, танцевали тысяч... Был с ними и девушка, которых юные «ершарцы» в глаза называла «дешевками». Эти гуляшники продолжались две, три, четыре — много месяцев. Когда не было свободной квартиры, они собирались в подвале. Там милиция и нашла их.

Мы слушали и не верили своим ушам! Саша В., скромный белорукий юноша, — и пьянки, порнография! Я перебрала в памяти каждый день моего полуторатретьего знакомства с ним, искала в его словах и поступках нечто, что могло бы настроить меня, указать на червоточинку в душе парвнишки, и не находила.

Недавно и проходила в его классе сочинение. Тема — «Мой любимый герой». Саша написал о Корчагине, и написал хорошо. Я поставила ему пятерку. Случайно сотрудник милиции, я пыталась вспомнить Сашино сочинение, какую-то характерную только для

него, Саша, мысль, в которой он выразил бы свое — именно свое — отношение к Павле Корчагину. И почувствовала, что не могу вспомнить. Потом я специально разыскала это сочинение. Александр особенно подчеркивал моральную чистоту и высокую принципиальность Корчагина. «Образ Павла Корчагина учит нас всему самому лучшему: безавестной любви к своей Родине и неважности и ее врагам, честности, прямоте, борьбе со всеми недостатками в жизни».

Сочинение было очень правильное, и я за него поставила пятерку. А вот жаль оценила его двойкой, ибо какой толк в хороших словах, если человек пишет одно, а делает и делает Другое! Теперь я читала сочинение совсем другими глазами и с отчаянием убеждалась, что ни за одной «правильной» мыслью ни разу не вспыхнуло искреннее чувство. За хорошо собитой системой фраз, замаскированной из учебника и программ, была пустота, отсутствовала личность.

И тогда я перечитала все сочинения на тему «Мой любимый герой», написанные товарищами Саша по классу. За исключением двух-трех, все они были похожи друг на друга, как род

ЕСТЬ ЛИ В НАШЕЙ НАСТАВНИЧЬЕЙ РАБОТЕ ЧТО-ТО ОТ НАСТАВНИЧЬЕЙ РАБОТЫ НА МАРСЕ?

планету из безвоздушного межпланетного пространства.

Предполагается, что станции могут приблизиться к Марсу на расстояние, скажем, до тысячи километров. Это очень близко, если вспомнить, что красочные спутники Марса Фобос и Деймос удалены соответственно от его поверхности на 6300 и 20 130 километров. Значит, искусственные станции можно считать, влетая внутрь системы спутников Марса, «к», если угодно, при этом сфотографировать и эти загадочные тела, пытаясь об их искусственной природе может получить экспериментальную проверку.

Среди приборов, которыми будут снабжены искусственные станции, целесообразно иметь плавный трансформометр, предназначенный для изучения спектра растительных покровов Марса. С его помощью, вероятно, удастся получить новые данные о биологической органической природе марсианских широт.

С другой стороны, возможно, что фототелевизионные устройства межпланетных станций разрешат и другие не менее интересные задачи. Например, интересно было бы иметь крупномасштабные фотографии марсианской поверхности. С расстояния 10 тысяч километров даже без телескопического устройства можно рассмотреть на Марсе детали поперечником всего в несколько сантиметров. Применение же телеобъектива и большее сближение с планетой, возможно, откроют такие подробности, о которых мы и не подозреваем.

Как не трудно предсказывать сейчас очевидные результаты — слишком сложны подобные эксперименты, — все-таки хотелось бы обратить внимание на то, что данные, «космические» фотографии которых могли бы раскрыть их действительную природу. С Земли самые оптимальные наблюдения при наилучших условиях наблюдения различают эти детали, как говорят, «на пределе видимости». Видны они так плохо и так редко, что не-

которые сплитки сплюсны вообще отрицают их существование. Что же это за детали!

Во время последнего великого противостояния Марса в 1956 году американский астроном Ричардсон в 60-дюймовый рефрактор увидел на Марсе необычайную картину: «там были бесчисленные неправильные синие линии, которые пересекали светлые красные области, подобно сети жолоб в некоторых минералах. Прошло несколько минут, пока до меня дошло, что эти образования не что иное, как каналы». Такая многочисленность «каналов» в марсианских пустынях — факт, ранее неизвестный и требующий проверки. Французский исследователь планет Дюфурье сфотографировал в (1948 году) очень новые типы каналов — очень узкие, нитеобразные, отличающиеся геометрической правильностью. Они коротки и часто удаляются. Выглядят они так, что, по его словам, проглядывают впечатление чего-то искусственного.

Еще в начале XX века знаменитый исследователь Марса Персиваль Ловелл изучал загадочные крупные пятна, называемые им оазисами. Они встречаются в местах пересечения каналов и по-видимому, играют в системе каналов какую-то важную роль. Порядок сложения каналов в оазис поразил свою правильностью, какой-то почти осязаемой «систематичностью». Такая структура оазисов доминирует на фотоснимках, полученных достаточно четкой. В частности, интересно было бы удостовериться, действительно ли есть в оазисах странные центральные «ядрышки», которые, по свидетельству Ловелла, остаются видными даже марсианской зимой.

Многие наблюдатели Марса, в том числе и основоположник астробиологии Г. А. Тилор, отмечали, что при особенно благоприятных условиях наблюдения «марс» Марса состоит из множества мелких и мельчайших деталей. Особенно богат ими «залив» Большой Сарт. Напоминаний по форме изогнутой рог, этот залив, по выражению

одного астронома, можно назвать «рогом изобилия» деталей. Некоторые марсианские моря внешне напоминают пятнистую шкуру леопарда: в них видно множество круглых пятен, напоминающих оазисы. Внешнее же это сходство!

На следует думать, что все марсианские каналы — это каменные приращки, почти неупругие для наблюдателя объекты. Это не так. Многие крупные каналы легко различить даже в небольшие телескопы. Но все-таки рассмотреть тонкую структуру каналов очень важно. Иногда, при предельном увеличении в 900 раз, как отмечал Дюфурье, каналы распадались на цепочки параллельно расположенных пятнышек, причем детали были столь четкими, что их можно было и сосчитать и зарисовать. Однако подобные наблюдения в земных условиях исключительно редки и сложны.

На Марсе иногда наблюдаются яркие вспышки неизвестной природы. После некоторых из них удавалось иногда разглядеть крошечные, как будто грибовидные облака. Что это такое? Не поспеивать на межпланетных станциях зафиксировать на фотопленке загадочный взрыв!

Очень интересно получить крупномасштабные фотографии Лаоконовы ула — темной области, возникшей среди одной из марсианских пустынь около десяти лет назад. Каково причина ее создания здесь колысальной миссии растительности, площадью с Ураний! Подобные странные перемены наблюдаются и в других местах Марса, например, в районе Свара Сомниц.

Вот лишь некоторые примеры того, что особенно хотелось бы разглядеть на Марсе. Повторю, что на самом деле мы, вероятно, увидим и такое, о чем не подозреваем.

По словам известного русского астронома А. А. Белопольского, если гипотеза подтвердится, это приятно, если же не подтвердится, — это интересно!

Пусть же последнее слово будет за истиной.

ные братья. Образы разные — Павел Корчагин, Олег Кошевой, Александр Угрюмов. А слова одинаковые, стандартные, в которых не видно человека, всей душой принявшего жизнь того героя, о котором он пишет... Сорок учеников. Я знала каждого. У каждого свое личное, свое: удача, торжество, сомнение. Но ничего этого нет в сочинениях.

Почему? Да потому, что ученики «судят по программе», да просто не умеют не совсем литературно, но все же писать в школе сочинения. Потому что школьники знают: напиши о Корчагине — не ошибешься. Повтори столько раз составные слова о Павле, не забудь расставить запятые — и учитель составит тетрадку.

Словом, ребята ловчат. И, как ни горю в этом признавая, скажем: ребята не только ловчат, но и умеют работать на тему личностно, но все же, преподавая, старательно обходя на уроках острые жизненные проблемы. Так и рождается среди школьников мысль, что литература — одно, а жизнь совсем другое.

Пусть меня побудит правдолюбие. Я совсем не против того, чтобы ребята писали о Корчагине. Я убеждена, что созданный Н. Островским образ комсомола — один из самых светлых и

чистых образцов в советской литературе — всегда будет для школьников примером для подражания, а вот будет дилеммой героем молодежи. Но я против того, чтобы на этом герое спекулировать, чтобы превращали его в «ширма», как иной раз случается.

Нравлю и получаю писмо от своей одноклассницы по бедности, которая работает в небольшом сибирском селе. Она пишет о неприятности, что ей пришлось пережить. В чужие промывала учительница! Оказывается, ашь в том, что повзлала не шаблонно сформулировать свой сочинение. Вместо того, чтобы сказать не «образ Давыдова по роману «Подвиги немцев», она продолжала ребятами написать об «образе председателя колхоза». И воочию видя в сочинениях школьников, как далеко от образа Давыдова с предельством своего колхоза. Председатель такого сравнения не выдерживал. Слово горькая, но справедливая мысль впечатлила о том ученике, который пишет, что вскоре этого председателя сбили за развал хозяйства. Но это позже, а тогда... Мое письмо вызвало в районе и обвинения чуждым, а в подвале авторитета Советской власти; на пре-

подите литературу и преподавать, а в жизнь колхоза не вмешивайтесь, плановый ей.

Или другой случай, уже московский. Нескольким лет назад было переиздано сразу несколько романов Ремарка. Среднестатистический читатель сказал: в романах этих, как известно, есть и гуманистическая идея, повявист к войне, к фашизму. Но есть и чудящее мной мотивом беззащитности, беспомощности жизни. Болотная реформа ученикам пусть произведет Ремарка. И сделал это достаточно тонко, как ты. Но в районе исполнялись: зачем подкармливать творчество Ремарка? С учениками о нем говорить не надо.

В других школах о Ремарке уже не говорили. И ученикам, залом прочитав романы, так и не позволяли получить правильное представление об этих книгах, о том, что же такое в деле красавца западная жизнь. Почему же это на пользу? Совершенно.

Меня так и подмывает задать на-

своему ученику из Академии педагогических наук «крайней» вопрос: почему один так зорко смотрит границы школьного курса литературы от вторжения сегодняшнего литературного дня? Ведь он, этот день, все равно приходит к ребятам? И будет гораздо полезнее, если школьники встретятся с ним не в одиночку, а вместе с учителями, которая поможет им правильно разобраться в противном.

Пока же преподавателям литературы приходится «назначать» на классную. Отсюда и рождаются такие, например, темы для сочинений, как «За что я ненавижу Троекурова? Ответ на вопрос факультета уже дан в другом формулировке темы. Так что дамы не надо. «Дуй по программе, повторить много раз скляночку.

Да и жулика ли вообще такая тема? Да, она признает неважность к Троекурову; к помещикам-крепостникам, к крепостному праву. Но так ли жулика она сегодня? Ведь Троекуров-то она вовсе не инт... И куда важнее воспитывать в наших учениках отвращение к тунеядцам, очковичникам, карьеристам, спекулянтам — к нашим сородельцам.

И мечтаю о том же, когда посету

от своего учителя такое, например, сочинение:

«Уже несколько дней мне и грустно и радостно. Я прочитал роман А. Гранина «Иду на грозу». И вот мне подумалось...»

Конечно, А. Гранина и назвала условно. Пусть это будет книга какого-нибудь другого советского писателя, который пишет о сегодняшнем дне, поднимает сегодняшние проблемы.

Да, это было бы для меня действительно радостной делью. И пусть в сочинении будут спорные или не очень верные суждения — их легко поправить. Но учитель докажет, что он мыслит, пытается что-то понять, что у него рождается умение самостоятельно осмысливать жизненные явления.

Пока такого сочинения у меня не было. А будет ли? Ведь школьная программа не предусматривает изучения произведений современной литературы.

Самая «молодая» книга в школьном курсе литературы — роман А. Фадеева «Молодая гвардия». Она написана в 1945 году. С тех пор прошло восемнадцать лет, но в программе ничего не изменилось. Из произведений советской литературы ученики проходят только «Матю» и «Старуху Изергиль» М. Горького, «Как закалялась сталь» Н. Островского, поэму «Ленин» и некоторые стихи В. Маяковского, «Ползущую цикаду» М. Шолохова и «Молодую гвардию» А. Фадеева. Этим и ограничивается для школьника советская литература! Честное слово, может создаться впечатление, что состав учебника программ раздаетом позиции некоторых горе-критиков, считающих, будто за последние десятилетия в советской литературе не появилось ни одного крупного произведения.

Мне могут возразить, что нельзя «раздавать» курс литературы, что так называемая «сетка часов» ограничена строгими рамками. Верно. Но почему строгом количество часов, отведенных на изучение древней литературы, литературы XVIII века? На мой взгляд, лучше дать в обзорной форме некоторые темы из этих разделов, чем «загонять» в обзор литературу наших дней.

Я убеждена — и это не только мое мнение, — что курс советской литературы в нашей школе необходимо расширить. Да, образы Н. Островского и А. Фадеева, безусловно, вестут в себе огромный заряд гражданственности, гордости за советскую родину. Но сегодня их одних уже мало. Павле Корчагину нужно помочь. В школьную галерею литературных образов нужно ввести современных, сегодняшних, живущих, творимых работами. Борются и живут рядом с нами. Вот тогда-то и будет сломана стена, отделяющая преподавание литературы от жизни. Вот тогда-то в школьных сочинениях формулы из программ уступят место горячим спорам о современном. И споры эти будут не отвлеченными. В сочинениях наверняка появятся не только анализ литературных образов, но и раздумья о сегодняшнем дне, примеры из конкретной жизни молодежи. И нам, учителям, будет легче входить на своих учеников, действительно воспитывать их. Да и сами они станут зорче. И уж наверняка Саше В. не удастся тогда укрываться за системой гримихи фраз.

Вместо того, чтобы преподавание литературы в школе и жизнью должны быть связаны! Мы воспитываем не считая нас критика, а гражданина перед лицом коммунистического общества. Им, нашим ученикам, страшно коммунизму, им жить при коммунизме. И подготавлив их к этому вам должна помочь жизнеутверждающая, смелая и вероудовая в мире советская литература.

Л. ГЕРАСИМОВА

Моя знакомая Шубертом

Вместе с подездом этого адьяния не находят ни мысли о музыке; «Профессионально-техническое училище № 3». Из дверей вступают одообоенные мальчишки и девчонки в форменных шинилах. В вестрбале шумно, только что окончили занятия. Но сверху доносится азгук музыки. Играет симфоничекий оркестр.

В актовом зале идет ретениция. Оркестра вырывается голос дирижера:

Разучивают «Неоконченную симфонию» Шуберта. Скрипачи, виолончельсти, альтеристы, трубачи таят за тактом «запугивают» свои партии. Получа назад адез, в этом же адьянии, они постигают мастерство забарчиков и вичатников, фотографов и ретуреров, учителя физики и технологю металлов. А те перь — музыканты.

Время от времени в азучиное оркестра вырывается голос дирижера:

— Здесь пианиссимо!
— Коля, внимательнее, сейчас твое соло!

— Ярче звучит!
— Это было год назад. Коллектив создавался буквально на пустом месте, не было ничего, кроме желания и любви к музыке. Молодой азучианс, руководитель самодеятельности учиница Виктор Силаев являлся за организацию симфонического оркестра — не кружка, но ансамбля — оркестра!

Многим эта затея показалась дерзкой, в нее мало кто верил. В самом деле, ведь до сих пор ни в одном профессионально-техническом учинице не было ничего подобного. «Не стоит рисковать, товарищи. Опозоритесь», — говорили одни. «Надо выбирать дело по плечу», — рекомендовали другие. «Займитесь чем-нибудь другим. Хореографией, например, или театром, тем более что в учинице уже давно существует драмкружок. А симфоническую музыку освоит профессионалам», — советовали третьи.

Но азучианс имеет одну любопытную особенность: чем больше людей поверит в дело, тем быстрее и лучше оно будет выполняемо. День за днем терпеливо, внимательно отбирались самые талантливые, самые музыкальные, самые трудолюбивые. Проверались слух, ритмика, даже ритм. Прислали даже из соседних учиниц. Шутка ли, симфоничекий оркестр! А некоторые до этого и симфоничекого никогда не слышали.

Когда ребята впервые встали в руки скрипки, альты, смычки казались им тяжелыми и неуклюжими. Постановка пальцев, положение смычка, ноты, польза, четверти, восьмые, пузырь струны, гаммы, штрихи... Исподволь, незаметно готовил ребят педагог (о нем речь впереди) и симфонии. Вскоре они уже анализировали знаменитую гамму — в этой тональности написано произведение. И не случайно именно эта симфония была выбрана опытным музыкантом для первого серьезного экзамена. Сама фактура ее не сложна, музыкальные образы просты и доступны, основная тема — широкая, певучая, эмоционально насыщенная — захватывает слух и воображение...

Ретениция продолжается. Четыре виолончели и два контрабасы создают мягкий, сплюснутый фон, и вот уже скрипки поют славно по тону, вступают робой, присоединяются к нему флейты, трубы, альтерны...

Я слышала эту симфонию в блестящем исполнении профессионалов, но здесь она приобретает особую прелесть. Говорю об этом дирижер. Он улыбается, но строго замечает:

Нет, еще не очень хорошо, часто еще строят медь, да и скрипки тоже... Впрочем, это ретениция!
Дирижер — Михаил Калужский. Лето его показало мне знакомым. Ну, конечно, и видела его на заре — как капельмейстер военного оркестра в кузнецком «Поединке» и «тутарский дирижер» из фильма «На подможках сены».

Калужский — профессиональный музыкант с солидным стажем. Лет шестидесяти назад он занимался в Петербургской консерватории у знаменитого Берга. В годы войны мировая война прервала учебу, и Калужский стал полковым капельмейстером. А во время гражданской войны он командовал оркестром Первой Конной армии. Затем вполне мирная должность — дирижер Дипломатического филармония. И снова война. Калужский — на-

польмейстер в корпусе генерала Донатора. После войны Михаил Калужский приходит в самодеятельность.

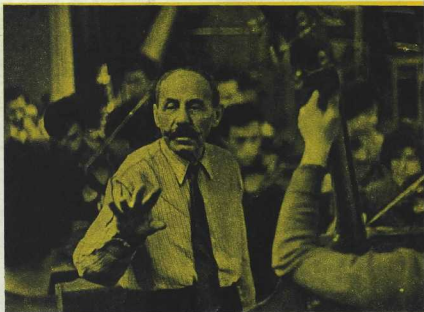
Сейчас на него неотрывно смотрят сорок пар юных глаз. Худенькая, большеглазая Лилия Бочарова — будущий виборнице, а в эту минуту для нее не существует ничего, кроме дирижера и этой волшебной музыки. Лили семнадцать лет. Совсем недавно она пришла в подготовительную группу оркестра, а сейчас уже играет партию второй скрипки. Биография Лили очень коротка: после семилетки — училище. Здесь увлеклась музыкой, начала петь, слушала по вечерам любимые музыкальные произведения. Когда оркестр приступил к разучиванию «Неоконченной симфонии», Лили купила пластику, слушала ее часами: постепенно прояснились образы, музыка уже не была абстракцией. А сколько прослушано опер в Большом театре, концертов в консерватории!

Судьба Лили Бочаровой очень ти-

пична. Таких, как она, в оркестре сорок — совсем юных, только входящих в жизнь. Пусть они не станут профессиональными музыкантами, пусть иногда вы услышите у кларнета или скрипки фальшивую ноту — не это главное. Вглянитесь,

— Здесь пианиссимо!

Концертмейстер группы виолончелей Олег Смирнов сложил свою партию и знает наизусть.

какой любовью, с каким искренним увлечением относятся они к делу, почувствуйте, как уверенно, вдумчиво играет Лилия Бочарова или первая виолончель — Олег Смирнов!

Здесь есть и подготовительная группа, в которой занимаются более двадцати человек. Они упорно преодолевают нотную грамоту, тщательно разучивают упражнения и скоро займут в оркестре свои места. История и теория музыки — необходимые предметы. Ребята учат их так же, как алгебру и химию. Каждая группа — струнные, медные, деревянные — занимается в отдельности. М. Калужский, С. Дорн, А. Яблонский — педагоги-пенсионеры все свои силы и знания отдают юным музыкантам. У оркестра большое пламя. Осеню состоится Весоонозный смотр самодеятельных коллективов профтехучилищ. Симфонический оркестр московской мечтает занять так достойное место. Глядя, как увлеченно, с энтузиазмом работает коллектив, веришь, что это непременно сбудется. А пока в профтехучилище № 3, неподалеку от Семеновской площади, звучит Шуберт.

Так открывается для Лили мир прекрасного.

Фото М. МУРАЗОВА

В. ДВОРЦОВ,
член президиума
Федерации
ручного мяча СССР

«...Т ут оловянный солдатик совсем расплавился. От него остался только крошечный кусочек олова. На следующий день, когда служанка выгребала золу, она нашла в топке оловянное сердечко. А от танцовщицы осталась только бестия. Но она уже не сверкала — почернела, как уголь».

Хольгер Нильсен, преподаватель реального училища, читавший сказку Андерсена своим питомцам, отравил взгляд от строки. И тут не задрал бровей.

О Дюймовочке мы прочитаем в другой раз, — проговорил учитель. — В сейчас — на воздух. Поиграем в вилли.

Футбол довольно быстро отвлел мальчиков от печальной судьбы оловянного солдатика. Но девочки никак не могли успокоиться. Да и футбол совсем не подходил для них игра.

«Что же мне занять их?» — думал Нильсен. Случайно он обратил внимание на второе футбольное поле, на желтый упругий мяч.

Так повисла на свет гандбол, или, как у нас его еще часто называют, ручной мяч.

Сейчас этой игре «стунуло» шестьдесят пять лет. Естественно, что эти игры были досконально разработаны правила соревнований. Поочередно играют в ручной мяч и на футбольных полях. В командах в этом случае, как и у футболистов, по одиннадцати человек. Но появились и завоевал огромную популярность ручной мяч 7:7. Площадка уменьшилась вполювин, ворота стали уже и ниже, в командах по семь человек, а само состязание приобрело такую динамичность, что любо-дорого смотреть.

Вначале ручной мяч был чисто женской игрой. Однако мужички очень скоро «распустили», каков это интелесное состязание в ловкости, быстроте, искусстве комбинации, и тоже стали играть в гандбол. Из Дании игра учителя Нильсена разошлась по всему свету. Тридцать четыре страны объединил сейчас Международная федерация гандбола (ИГФ). Два миллиона спортсменов играют в ручной мяч.

А когда начали играть в ручной мяч у нас? Первые гандбольные площадки появились в 1909 году в Харькове, а вскоре и в других городах Украины, затем в Москве и Петербурге.

Бурное развитие ручной мяч получил после того, как отгремела гражданская война. О популярности этой игры в двадцатые годы свиде-

«ВЕДЬ Я ЖЕ РУЧНОЙ...»

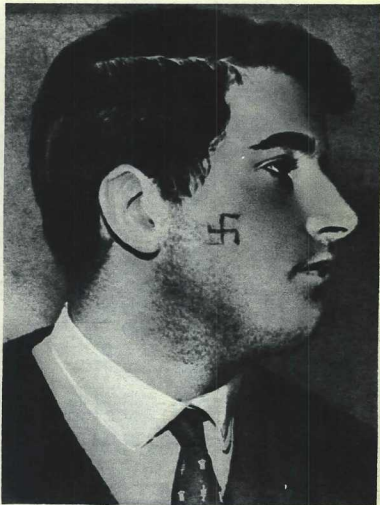

Тренер тбилисского «Буревестника» Г. Шарашидзе — знаток своего дела. Его замечания игрокам всегда конкретны и поучительны.

Фото А. БУРДУКОВА
и И. БРОМБЕРГА

Завоевать звание чемпиона трудно, но еще сложнее удержать его. Это понимают гандболисты тбилисского «Буревестника» и поэтому тренируются с особым напряжением.

«ГОРИЛЛЫ» И СВАСТИКА

«Хайль Гитлер!» — этими словами заканчивалось письмо с обратным адресом: Арлингтон, Вирджиния, Соединенные Штаты. Суть послания достаточно ясно из последующей цитаты:

«Я хотел бы узнать ваше мнение о возможности проведения в Аргентина в 1963 году всемирного нацистского конгресса... Как мне кажется, в Аргентине достигнут наибольший успех в развитии национал-социалистического движения. Наш фронт ширится повсюду, и направлен он против наших врагов — коммунистов и сионистов».

Подпись: Рокуала, временно исполняющий обязанности президента международной лиги нацистов.

...Его схватили почти на пороге дома и стали методично избивать. Парень отчаянно сопротивлялся. Но что он мог сделать? Ведь их было пятеро. Свалила на мостовую, они с остервенением били его ногами. Когда стили стоны, один наклонился, вынул нож и вырезал на правой щеке жертвы фашистскую свастику.

Что это? Кошмар голливудского кинобювтика или сцена из рыцарских времен? Герардини Гитлера? Воисте нет. Дело происходило в наши дни в Буэнос-Айресе, столице республики Аргентина. Имя пострадавшего — Рикердо Э. Д'Алессандро. Он студент.

Имена нападавших остались в тайне, хотя известно, что они действовали по заданию терро-

ристической организации «Такуара». Кроме «Такуара», что в переводе означает «Копье», в Аргентине действует еще и «Гвардия национал-социалистического восстановления». «Послушной» спикером неонацистов весьма обширен. Он влечет многочисленные подмоги, убийства, изгнания. Жертвами избираются прогрессивно настроенные студенты, демократические организации и их лидеры.

Полицей был задержан некто Хорхе Стеффен Солер в момент, когда он намеревался разрядить свой колт в участника антифашистского митинга на медицинском факультете Национального университета. Солер — сын богатого помещика. Он учится в католическом универси-

«Чудо и нечудо» Стевина

Через толстую треугольную доску (треугольник прямоугольный) перекинута цепь тяжелых шаров. Нижняя «гирлянда» шаров уравновешивает доску обильно связанной, левая часть цепи должна как будто протереться. Цепь придет в движение. Но ясно, что взвешен шаров, соединяющихся с наклонной плоскости доской, будут появляться новые, и неустойчивое положение будет постоянно побуждать цепь возвращаться.

Уж не решим ли это присловую проблему вечного двигателя? Подумайте, все ли тут верно, будет ли цепь действительно вращаться бесконечно?

Этот парадокс есть знаменитое «чудо и нечудо» нидерландского математика Симона Стевина, изобретателя десятичных дробей.

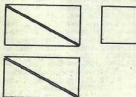
Дачи в космосе

Неняй гражданин раскаивался да-чу, которую он построил на высоте высотой двадцать метров.

— Подумай только, — говорил он другу, — Каждый полдень солнце на двадцать метров ближе ко мне, чем при восходе или заходе. Это что-нибудь да значит!

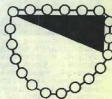
— Мелочь, — усмехнулся друг. — Я видывал дачи, которые в полдень более чем на шесть тысяч километров ближе к солнцу, чем при восходе.

Шутил ли друг дачника, или такое положение и в самом деле возможны?

Одна из пяти

Перед вами четыре равноугольных треугольника и квадрат. Попытайтесь так сложить их вместе, чтобы получился одна фигура — большой квадрат.

тате Буэнос-Айреса. Этот тип с гордостью заявил о своей принадлежности к одной из первичных организаций «Тагуары». Он назвал своих инструкторов: Хулио Гротто — руководитель, Пьерини — сотрудник военной разведки, Хоакин Гонсалес — полицейский эксперт по взрывчатым веществам. Стоит ли говорить о том, что фашист был вскоре освобожден из-под ареста?

...Мутная волна еврейских погромов прокатилась по Аргентине, когда в Ирирале был казнен важный преступник Адольф Эйман. Культурно-цивицизм пунктом было нападением на студентку Грасиюлу Сиота. Девушку похитили и несколько дней подвергали зверским истязаниям. Потом полуживую выбросили на улицу.

Из Аргентины фашистская «келья» летит за границу. В Уругвае их жертвой стала 18-летняя Соледад Баррет. Родители Соледад эмигрировали из Парагвая, спасаясь от преследований диктатора Стресснера. Фашисты расстреляли правник удар: девушка — непреклонный участник демонстрации в защиту Кубы, активный сотрудник Института уругвайско-советских культурных связей.

Ее выследили в безлюдной долине, долго пытались добиваться, чтобы она кричала: «Долой коммунизм! Смерть Фиделю Кастро!» безуспешно. Тогда террористы нарезали ей бедра знакомыми сапками и выбросили из машины на полном ходу.

Соледад опознала одного из своих мучителей. Им оказался кубинский эмигрант и контрреволюционер Арреги, но полиция отпустила фашиста «за отсутствием улик».

Словом, фашисты действуют с размахом и без всякого риска. В различных районах Аргентины вполне легально функционирует лагерь, в которых проходят подготовку члены фашистских отрядов. Левофланговый курс и практические занятия ведут у них члены полиции и высшие армейские офицеры — «гориллы», как называют в народе вершущих аргентинской воюющей. Один из лагерей раскинулся меньше чем в трех километрах от столичного аэропорта. В нем тренируются не только аргентинские погромщики, но и фашисты из Уругвая, Бразилии и других латиноамериканских стран. Есть сведения, что «полковниками» этого и других подобных заведений является сам шеф полиции Буэнос-Айреса — Орарио Эрике Грин. Поэтому надо полагать, что «портняжки» — жители аргентинской столицы — не особенно удивлялись, наблюдая парад фашистов, которых охраняли полицейские в стальных шлемах. Нацисты маршировали почти рядом с домом правительства, непрестанно выкрикивая: «За бога и за родину!»

Чем объяснить, что после всех жертв, которые были принесены в борьбе с фашизмом в минувшей войне, он переживался через океан и расцветает там пышным цветом? Ответ прост: растущая безработица, наступление североамериканских монополий на экономику слаборазвитых стран вызывают растущее сопротивление народа. Чтобы справиться с демократическими силами на латиноамериканском континенте, американские империалисты и крупная национальная буржуазия развязали фашистский террор. Они поджидают дом с двух концов: потворствуют «гориллам» — латинской воюющей и поощряют фашистские организации.

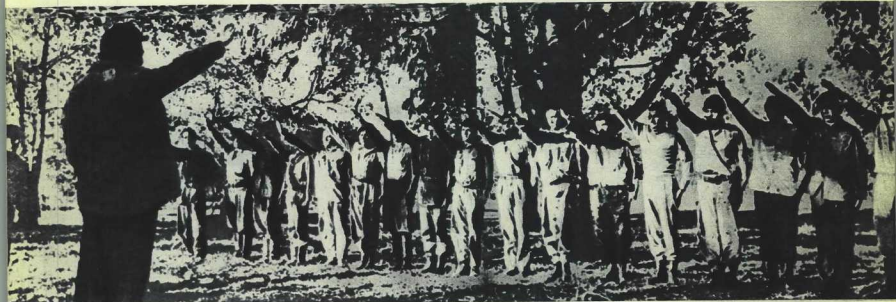
А руководящие нити тянутся на север, в Вашингтон. В связи с этим газета «Эль Популар», выходящая в Монтевидео, писала, что посол США в Аргентине Макс-Клинтон выдает крупные суммы на организацию всемирного нацистского конгресса, который предпологается провести в этом году. Несмотря на все старания буржуазной пропаганды представить фашистов как антиимпериалистическую силу, как борбников аргентинского национализма, общественность страны хорошо знает, в чьих интересах действуют и «Тагуары» и «Гвардия националистического освобождения», и генералы-мтеженки. Им всем платит американская разведка, сыпящаяся скрыть поток национально-освободительного движения народа Латинской Америки.

И не такие подонки, как, скажем, Хорхе Солвер, представляют молодое поколение Аргентины. Боевой авангард юной и девушки, объединенный в Национальный комитет молодежных организаций, ведет мужественную борьбу против фашизма и империализма.

В. ГУГУШКИН

Студент Рихардо Э. Д'Алессандро, изуродованный фашистами.

Лагерная тренировка в условиях, приближенных к «боевым».

Торт из кашки

Замесите в слове «кашка» одну букву так, чтобы образовалось другое слово. В новом слове опять замените одну букву — получите еще одно слово. Продолжайте до тех пор, пока не получится слово «торт».

Задача состоит в том, чтобы набрать наименьшее число промежуточных слов. Все эти слова должны быть несвязанными существительными, нарицательными, единственного числа, именительного падежа.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, НАПЕЧАТАННЫЕ В № 10

СКОЛЬКО В БОЧОНКЕ ВОДЫ?

Наполнить бочонки так, как показано на рисунке. Если край дна будет на уровне воды, значит, бочонки наполнены ровно до половины. Если выше, — воды в бочонке больше половины; если ниже, — бочонки наполнены меньше чем половиной.

ЗАДАЧА-ШУТКА

На любое число делится произведение всех чисел.

СКОЛЬКО ЛЕТ ДЕВУШКЕ?

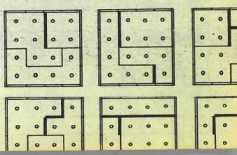
Чтобы решить задачу, обозначим условно год рождения девушки $1900 + 10x + y$ (где x — число десятков в числе года, а y — число единиц). Теперь можно составить уравнение: $1902 - 1900 - 10x - y = 1 + 9 + x + y$, или $02 - 10x - y = 10 + x + y$, или $11x + 2y = 02$. Ну, а это последнее уравнение может иметь только один решение: $x = 0$ и $y = 2$. Таким образом, год рождения девушки 1944-й, и ей исполнилось 18 лет.

КАКОЕ ВЕДРО ТЯЖЕЛЕЕ?

Плавающий деревянный брусок вытеснит своей погруженной частью ровно столько воды, сколько весит это тело. Поэтому оба ведра равны по весу.

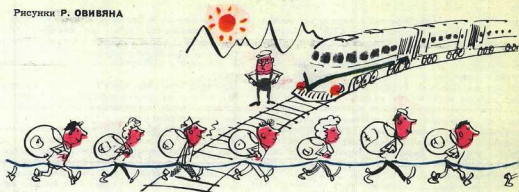
РАССТАВЛЯЯ КИРПИЧИ...

Перепланировка может быть выполнена следующим образом:

В ЛУННУЮ НОЧЬ.

ВСТРЕЧА ДВУХ МАРШРУТОВ.

— В ТУРПОХОД ОРЛЫ!

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

ОТ ГИМАЛАЕВ ДО КАРПАТ

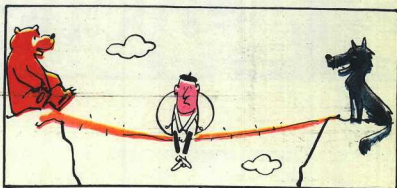
Директор фабрики «Прогресс» Умел придать отчетам вес, И о количестве ботинков Не в цифрах он распорочивал — Он это образно, картинно В своих отчетах подавал: «Ботинков столько сверх задания За месяц сдали мы на склад, Что если их поставит в ряд, То мы получим расстояние От Гималаев до Карпат. А ноль поставит в ряд, И к примеру,

Все, что за год произвели, То можно будет от Земли Вернуться прямо до Венеры.» Отчет и начальству поспеивал, Начальники рад, директор рад. А вот ботинки, говорят, Увы, никто не покупает От Гималаев до Карпат.

Легат они в коробках серых, В Балаарный день цена им — Ведь в них не то что до Венеры, А и до дому не дойдешь!

— А КРОМЕ КОНСЕРВОВ, ВЫ ЧТО-НИБУДЬ ЕДИТЕ?

ШУТКИ-МАЛЮТКИ

Рядом с пошивочным ателье пред-
судительно строили перешивоч-
ное.
И. СӨКОЛОВ

Только раз покупатели и продавцы
универмага остались взаимно доволь-
ны в этот день драмтеатр покупал
ностры для пьесы из времени царя
Гороха.
А. ДАЙНЕГА

Первая страница обложки там, где встан-
ет плотина Саянской гидроэлектростанции,
сейдья не осталось ни одной тропы, по которой бы
не прошли топографы и геодезисты (Фоторепор-
таж «Прогулились Саялы» см. на стр. 4-5)

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, В-66, Спартановская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутиатор Е 1-70-20.

Для справок — доб. 2-42; отделы литературы и
искусств — доб. 2-15; очерки и публицистика —
доб. 3-56; междугородной связи — доб. 3-21; физ-
культуры и спорта — доб. 3-44; сатиры и юмора —
доб. 4-79; писем — доб. 2-53; науки и техники —
Е 7-65-82; информации — Е 7-65-62; оформлений —
Е 7-51-32.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редколлегия: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долма-
товский, С. В. Егоров [ответственный секретарь],
В. А. Костров, В. А. Кочетов, Б. П. Краевский,
Е. И. Рабчиков, В. И. Самохин [заместитель глав-
ного редактора], А. Б. Стуков.

Формление В. Недогонова.

Технический редактор Н. Будкина.

А 00091. Подписано и печатно 23/IV 1963 г.
Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 016.
Заказ № 1120. Формат бумаги 70X108/8,
2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24

МОЙ РОДНОЙ, ЛЮБИМЫЙ ГОРОД

Музыка Г. СВЕТАВА-ОСТРОВСКОГО

Слова Б. ДВОРНОГО

КРОССВОРД

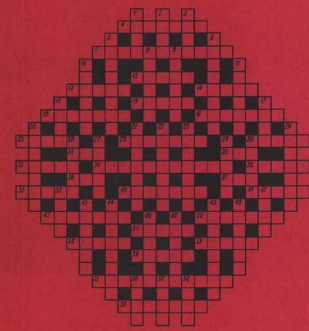
Составил К. КУТЬБИН

По горизонтали:

4. Опера Г. Майборды.
7. Прародитель наивенной стороны Луны.
12. Максимум для вычисления скорости.
13. Тропическое плодородное дерево.
14. Литературно-художественный журнал.
16. Государство на Ближнем Востоке.
18. Столица европейского государства.
19. Пейтон Маркс.
25. Народ индейцев.
28. Столица союзной республики.
30. Административно-территориальная единица.
31. Приток реки Волги.
32. Повесть А. Боровикова.
33. Убийца замка со злодейскими боярами.
34. Роман А. Мамин-Михайлова.
35. Река в Алтайском крае.
36. Жанр лирической поэзии.
37. Автор повести «Возлюбленное шоссе».
38. Город в Сибири.
40. Севернорусский миф.
41. Сказочное животное для двигателя.
47. Старинный русский танец.
50. Государство в Восточной Африке.
51. Автор оперетты «Бисолава алола».
52. Советский высший государственный орган.
53. Французский ученый, открывший один из основных законов электродинамики.
54. Промышленная область, богатая лесом и ковалем.
55. Автор оперы «Альдебара могла».
59. Столица Кипра.

По вертикали:

1. Литературно-художественное издание.
2. Действие в одной из некоторых стран Латинской Америки.
3. Земельный участок.
5. Выходящее из почвы растение.
8. Учитель первоначальной школы в Тихом океане.
9. Сочинение с гранитным испанцем.
10. Спортивный снаряд.
11. Опера А. Спендиарова.
15. Вид астероидного происхождения.
17. Оросительный канал в Средней Азии.
20. Писатель произведения И. Гоголя «Мертвые души».
21. Горная система в Азии.
22. Страна на Индонезийском полуострове.
23. Несомненный подорожник.
24. Русский полководец.
26. Древнерусский музыкальный инструмент.
27. Озеро в Индонезийском полуострове.
28. Несомненный подорожник.
29. Остров в Средиземном море.
30. Порт в Японии.
33. Шахматная фигура.
42. Недвижимый рабочий.
43. Роман Д. Мамин-Михайлова.
44. Силы на первом организаторе и руководителе марксистского движения в России.
45. Повесть А. Куприна.
46. Действующее лицо пьесы А. Корнейчука «Иванов Кречет».
48. Автор оперы «Саламанка».
56. Спортивный снаряд.
57. Басня И. Крылова.
58. Союзники для победы и спуска судна.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

1. Ипполит.
3. Армения.
8. Ибрагим.
10. Шимпанзе.
11. Афоризм.
12. «Ваня».
13. Лазерное.
14. Яблоня.
17. Ноллар.
20. Дуров.
21. Малакит.
22. Клоуны.
23. «Сотка».
25. Промышленность.
26. Волком.
29. Чирок.
32. «Взрыв».
34. Валдгейм.
35. Голландия.
36. Сардиния.
37. Нахичевань.
38. Кенгуру.
39. Бисолава.
45. Тополь.

По вертикали:

1. Инициатор.
3. «Агния».
4. «Сигнал».
5. Ялайин.
6. Арапа.
7. Нахичевань.
8. Америка.
15. Бархатное.
16. Чукотский.
18. Нахичевань.
19. Инициатор.
20. Повесть.
24. Кенгуру.
27. Бархатное.
30. Саламанка.
31. «Верхнее».
33. Руины.
35. Гладиус.

Свирь кричит приветливо,
Стучится в окна светлые,
Город солнца и мечты,
С рассветом просыпается
Моя Москва-красавица,
Веселая, нарядная Москва!

Привет:

Мой родной, любимый город,
Город солнца и мечты,
Площадь больших просторов,
Переулки и мосты,
Городный вид кремлевских башен,
Взрослеющая лунастый свет —
Город молодости нашей,
Город счастья и побед!

Бегут разноязычные ребята
Алтубасы, трюлбайбусы,
Студенты на занятиях спешат,
И с песенкой веселой
Идут навстречу школьницам,
Детей ведут маманы
в детский сад.

Привет.

Москва за счастье борется,
Москва растет и строится
Со всем необъятною страной,
Сияет солнце яркое
Над сверлами и парками,
Над светлыми, нарядными
в Московой.

Привет.

Цена номера 20 коп.

Индекс 71391.

До озера Ак-Су, что по-казахски означает «Белая вода», добираться очень долго и трудно. Там, на озерах пеликанов. Медленно кружат над камышами, забираясь в сине-фиолетовое небо, огромные розоватые птицы. Затем, вытянувшись журавлиным клином, растворяются в утренней дымке. Они летят на соседние мелине озера охотиться.

Пеликанья охота — незабываемое зрелище. Вся стая — 250—300 птиц — полумесяцем перегораживает озеро и начинает гнать рыбу на мелкое место.

Сначала сталя насыщается сама, а затем набивает мешки рыбой для малышей, которые еще не умеют летать и пока остались на гнездовых под присмотром нянечки.

Пеликаны «нянечки» — и массовые, и наблюдатели, и воспитатели — весь спрос за безоблачность и поведение птенцов с них.

Но что это? Почему встревожились «нянечки»? По колонии объявлена тревога! Пеликанят, уже умеющих плавать, «нян-

ки» шлепками крыльев стонуют и воде, а потом сталкивают в озеро. Остальных притуп в камыши.

А вот уже летят с рыбалики взрослые пеликаны, тяжело грузные пойманной рыбой. Начинается пеликаний обед. Распластав огромные крылья, птица садится поближе к своим птенцам, и тут же и ней со всех сторон бросаются несильно малышки. Однако мать поворачивается к своему птенцу, а тот, размахивая слабыми крыльями, с ходу теснит ее плечом, кричит что-то и бросается догонять мамашу, обескураженную такой агрессивной встречей. Сплотиться и падая, малыши все же наступают пеликану и сует ей в зоб свой клочок. А рывок уже настывает пеликану и сует ей в зоб свой клочок. А рывок уже настывает пеликану и сует ей в зоб свой клочок. А рывок уже настывает пеликану и сует ей в зоб свой клочок.

Самые маленьчие пеликанята, видимо, по молодости, ведут себя очень широко. За это родители относятся к ним с большой нежностью. Ивашки рыбы, малыш настолько тяг желает, что никак не может добраться до мамыши, чтобы укрыться там от нестерпимой жары. Тогда на помощь приходит мать. Она самостоверно закрывает птенца своими крыльями и стонт над ним, изнывая под лучами палящего солнца.

А другой малыш, видимо, потерял среди множества птиц родителей. Но не волнуйтесь: отыскать родителей помогут «нянечки».

Фото и текст В. ПУСТОВАЛОВА